

**...ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
МАРКА ПЕКАРСКОГО...**

Марк Ильич Пекарский

..ИЗ КОЛЛЕКЦИИ

Марка Пекарского

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65941786

*...из коллекции Марка Пекарского... / Пекарский М.И. -М.:Пробел-2000,
2016. : Пробел-2000; Москва;
ISBN 978-5-98604-570-2*

Аннотация

Эта книга – о людях, которые творили и творят музыку, об их общении, об их пути, в котором все безгранично одиноки, но при этом едва ли справились бы без помощи друг друга.

Эта книга – о любви, которая помогла преодолеть все преграды – как общеизвестные, о которых теперь даже в учебниках пишут, так и прочие, о которых предпочитают умалчивать даже энциклопедии.

Эта книга, в конце концов, и просто о коллекции... Но тоже не совсем просто, потому что коллекция инструментов стала поводом для создания коллекции произведений для Ансамбля ударных, и сам процесс создания в результате породил ещё и коллекцию историй – страшных, смешных, трогательных, поучительных, да и просто выдуманных. Вот пожалуй, о чём можно тут прочитать.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

К вопросу о коллекции	9
Часть первая	18
Я – коллекционер	19
Постановка проблемы	21
Что такое коллекционер?	26
О технике пополнения коллекций	27
Моя коллекция народного творчества	40
Байка №1 О Пекарском	40
Байка №2 О Пекарском	42
Байка №3 О Пекарском	43
Байка №4 О Пекарском	45
Байка №6 О Пекарском	50
Байка №7 О Пекарском	51
Байка №8 О Пекарском	55
Композиторская байка №1	62
Композиторская байка №2	63
Композиторская байка №3	66
Композиторская байка №4	67
Байка №5	69
Композиторская байка №6	70
Композиторская байка №7	70
Композиторская байка №8	72
Байка-анекдот №1	73

Байка-анекдот №2	76
Баечка №1	82
Моя коллекция слов	83
Игра со словами	83
Досужие рассуждения о таланте	88
Вопросы и ответы	93
Коллекция денежных знаков	99
Экспонат №1	99
Коллекция незаконченных, ненапечатанных и случайных текстов	102
О хронологической точности	102
Историческая справка	103
Экспонат № 1: «Рождественские сказки»	106
Экспонат №2: «Бес» и «Без»	122
Коллекция аннотаций к концертным программам	129
Полтора слова о философии музыканта	129
Экспонат № 1: «Танцуют все!»	129
Экспонат № 2: «Врачевание металлом»	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Марк Пекарский

...ИЗ КОЛЛЕКЦИИ

Марка Пекарского...

*Самое важное в жизни – это Искусство,
некая непреходящая константа, которой нельзя
изменять ни при каких обстоятельствах и которая
неизменно вознаграждает тебя за верность.*

Джулиан Барнс. Метроленд

© Марк Пекарский, 2016

К вопросу о коллекции

– Да что с тобой, Хемуль! – взволнованно воскликнула фрёкен Снорк. – Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

– В том-то и дело! – в отчаянии сказал Хемуль. – Она закончена. На свете нет ни одной марки, ни одной опечатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни одинёшенькой. Чем же мне теперь заняться?

– Я, кажется, начинаю понимать, медленно произнес Мумми-тролль. – Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

Тове Янссон.

Шляпа Волшебника

Однажды я пришла к ученику и обнаружила на его рабочем столе, куда я обычно складываю все учебники, три модели машин. Новенькие, аккуратно расставленные в ряд. «Как тебе моё новое увлечение?» Не обратив внимания на явный энтузиазм в голосе, я всё пыталась разместиться на оставшихся квадратных сантиметрах. Да и что я могла ответить? Вот передо мной сидит взрослый человек и его распирает от того, что он приобрёл несколько пластмассовых предметов по весьма нескромной цене, единственная цель которых – стоять, пылиться и размножаться, занимая при этом всё

больше и больше места, заранее предвещая сложности при потенциальном переезде. В общем, я сменила тему, но потом ещё некоторое время размышляла, что же всё-таки толкает людей на такое страннейшее развлечение, как составление коллекции.

Помню, когда мы были маленькими, то собирали марки, вкладыши, карандаши и монеты из разных стран. Но ведь это совсем другое дело. В детстве мы только пытаемся понять, что такое вещи. А как это сделать, если у тебя нет их в изрядном количестве? Что мы могли знать о дальних странах, когда нас от них бережно охранял железный занавес? Как можно было восхищаться своими кумирами, если не запастись хотя бы десятком наклеек с их фотографиями? Нет, это не были пыльные ряды неприкосновенного Хлама. Это были маленькие миры, которые умещались в шкатулке или в верхнем ящике стола. Это был наш билет на самолет до Нью-Йорка, наша машина времени, наша альтернатива пустому прилавку ближайшего магазина. Мы никогда не стирали пыль с наших коллекций просто потому, что она там никогда не скапливалась. Поэтому, когда мой ученик на следующем уроке заявил, что придумал такую классную штуку, как специальный шкаф для коллекций, где пыль удалялась бы автоматически, я только с большой грустью посмотрела на его увеличиваившееся недвижимое имущество (ведь трогать и переставлять экспонаты строго воспрещалось) и поспешно вернулась к захватывающей проблеме пассивного за-

лога. На том бы история и закончилась, если бы не...

– Алло, Катюша? Я бы хотел, чтобы ты написала предисловие к моей новой книге.

Это было само по себе неожиданное предложение, но как-то было моё изумление, когда я прочитала название труда, который мне предстояло прочитать и осмыслить – и это всего лишь через неделю после истории с коллекцией машинок: ...из коллекции Марка Пекарского... Конечно, я знаю про закон парного случая, но не перестаю удивляться каждый раз, когда наблюдаю его в действии. Так как мои переживания относительно разнообразного собирательства предметов были ещё очень свежи, я почти с жадностью набросилась на сочинение великого моего предка. Как же могла я упустить из своих размышлений, что вообще-то всё моё детство прошло в контексте коллекции? Это было, так сказать, в базовых настройках: мы живём в окружении папиных инструментов. У некоторых ковёр на стене висит, а у нас бубны, у некоторых хрустальные люстры, а у нас полупрозрачная конструкция из чешуи неведомого океанского чудовища, которая насквозь издаёт такой удивительный и совершенно особенный шелест. Ну, посередине лампочка, конечно. Всё-таки свет в комнате нужен, ничего не поделаешь. Зато в прихожей висят два барабана, обтянутые шкурой зебр, и там уже без каких бы то ни было бытовых бонусов. Чтобы пройти по коридору, надо было продефилировать между двумя вибрафонами, на фоне которых ксилофончик выглядел бедным родствен-

ником, притулившимся в углу. На самом деле это он тут был хозяином, так как вибrafoны то привезут, то увезут, а ксилофон на постоянном посту развивал музыкальные способности моего старшего брата. Я не буду тут перечислять всё, что висело у нас на стенах, стояло на полках, кучковалось по углам и прочим укромным местам в квартире по адресу, который пытливый читатель узнает уже очень скоро. Скажу только, что коллекция папина была частью нашего дома, и без неё сложно было бы представить наше жилище. Конечно, инструменты нельзя было трогать, но не из пустого каприза. Ведь большинство из них служили не пустым украшением. На них творили музыку великие, как я уже сильно позже поняла, композиторы.

Ил. 1. Вот она, я, но не в 8 лет, а в 4 годика. Правда, я мила?

Но только ли об этих инструментах папина книга? Нет, конечно. Предметы остаются бездушными объектами, и чтобы они ожили и привнесли в этот мир прекрасное, нужно прикосновение Творца. Или скорее Творцов. — А это что ещё за ересь, Катерина Марковна? — Ну, как же: композиторов и музыкантов, конечно! К каким высшим силам взывают они, это уже дело личное, но факт остаётся фактом: папины инструменты тоже редко покрываются пылью, потому что у них есть дела и поважнее, чем просто висеть или стоять.

Помню, было время, когда родители постоянно смотрели одно и то же видео: София Губайдулина говорит что-то за пределами для меня умное и всё что-то чертит на белых листах бумаги. Всё говорит и чертит, говорит и чертит. И мне, восьмилетнему ребенку, невдомёк, что у нас тут в гостинной творится история современной музыки, потому что неспроста они пересматривают одну и ту же запись. Тогда я, конечно, не могла уловить связи между этим видео и последующими родительскими гастролями...

Или вот князь Волконский. Это был самый частый наш гость в некотором смысле, потому как папа с удовольствием его цитировал, довольно точно (как я потом убедилась) имитируя кошачьи интонации. *Эдисон Денисов* — тоже знакомое мне с детства звукосочетание. Помню, меня завораживало

это имя, которое, как мне казалось, специально придумали. Но чем же он был так «специален» этот Денисов, я тоже долго не могла понять. А вот Владимира Мартынова и Алексея Любимова я знала лично и считала это нормальным. Они папины друзья, им запросто можно сказать «привет». Лидия Давыдова стала моей крёстной мамой, Джерард Макбёрни познакомил со звучанием прекрасного языка, который и по сей день является для меня источником *bread and butter*, как у них там говорят. Но на самом деле я ничего не понимала из того, что происходило вокруг, да это и не нужно было ребёнку. Только повзрослев, я стала постепенно осознавать, что это было (и слава Богу, до сих пор есть) очень особенное общение, которое тем и отличалось от обычных посиделок на кухне, что была у этих встреч – не только у нас дома, но и в других квартирах, в репетиториях, в телефонных разговорах, в письмах и даже в мыслях – особенная цель. Итогом была новая музыка, которую они искали, создавали и исполняли. И тут папина коллекция была медиумом между композитором и музыкантом, потому как именно в ней находилось бесчисленное количество звуков, которые, сплетаясь в музыкальный узор, способны порой передать то, что словами не скажешь.

Эта книга – о людях, которые творили и творят музыку, об их общении, об их пути, в котором все безгранично одиноки, но при этом едва ли справились бы без помощи друг друга. Как в одиночку вырастить музыкальное свое «дитя»?

Научить его говорить, вывести в свет, где оно на двадцать минут – а то и на все сорок – вдруг станет почти осязаемым? «Музыкальные детишки» капризны, неуловимы, трудны для воспитания. Одно хорошо – кушать не просят. И всё же они продолжали и продолжают появляться. Их создают «мамочки» и «папочки» – композиторы и музыканты. И как же? С помощью тех самых инструментов, которые иногда претендовали на столь важные квадратные метры нашей гостиной, коридора и кухни.

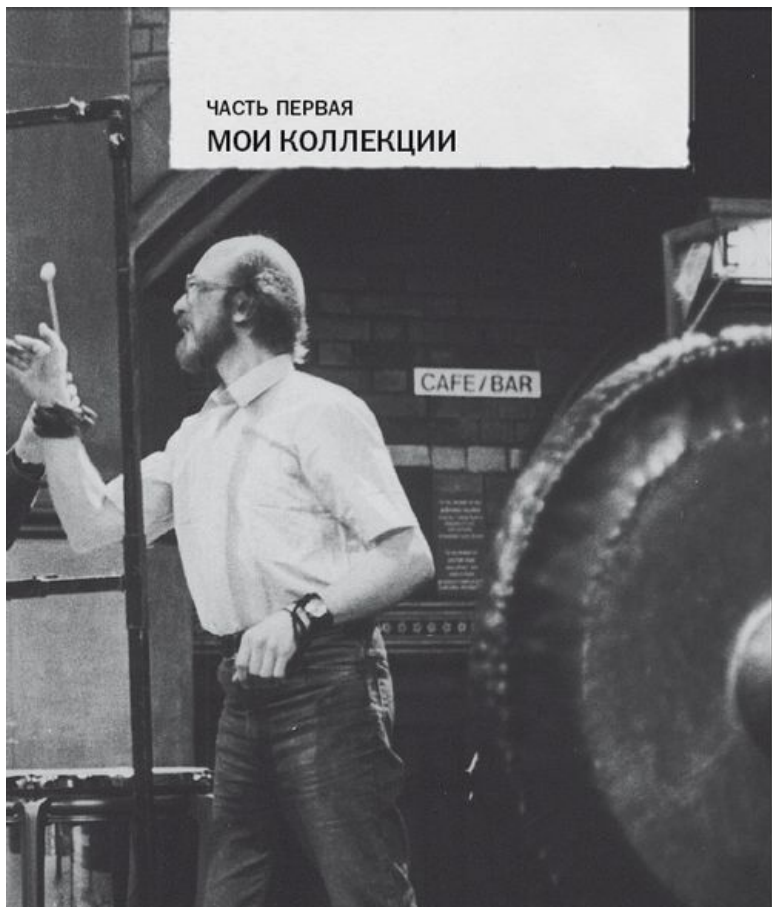
Эта книга – о любви, которая помогла преодолеть все преграды – как общеизвестные, о которых теперь даже в учебниках пишут, так и прочие, о которых предпочитают умалчивать даже энциклопедии. В них, как мы знаем, все великие – просто великие, а то, что они ещё и живые люди, со собственными для них мучениями, терзаниями и слабостями – это вроде и не в счёт. Но как же не в счёт, если они всё-таки мучились, сомневались и иногда даже скандалили в процессе создания очередного – как потом напишут в анонсах – шедевра?

Эта книга, в конце концов, и просто о коллекции. ...Но тоже не совсем просто, потому что *коллекция инструментов* стала поводом для создания *коллекции произведений* для Ансамбля ударных, и сам процесс создания в результате породил ещё и *коллекцию историй* – страшных, смешных, трогательных, поучительных, да и просто выдуманных. Вот пожалуй, о чём можно туг прочитать.

Екатерина Пекарская

Часть первая

Мои коллекции

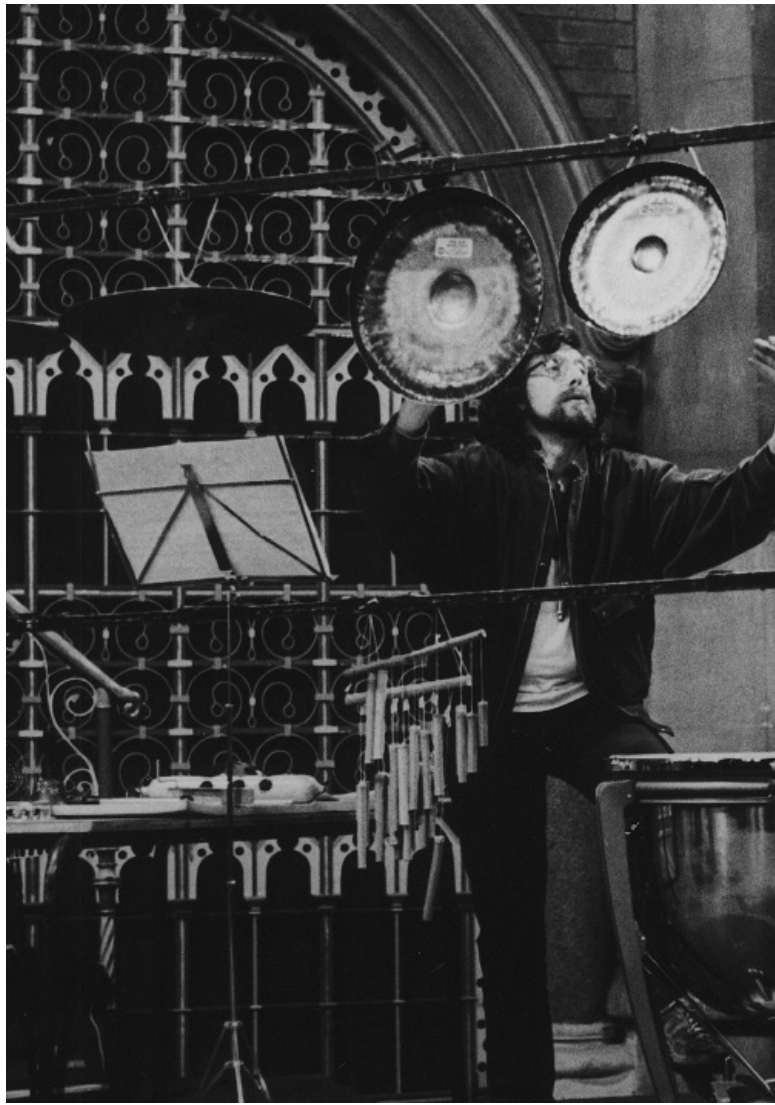

Я – коллекционер

Я всегда завидовал людям, которые не замечают того, что их окружает. Они, конечно, многое теряют, но, с другой стороны, не знают тирании неодушевлённых предметов и могут гулять по миру сами по себе, подобно киплингской кошке.

Генри В. Мортон.

Рим. Прогулки по Вечному городу

А я никогда не «завидовал людям, которые не замечают того, что их окружает». Да и сам автор эпитафия – вполне из «нашего огорода»: «Я никогда неумел насладиться подобным безразличием...»

Я – коллекционер. А вы разве нет? Конечно, да – и не сомневайтесь: все кругом что-нибудь копят – монетки, марки, этикетки со спичечных коробков, винных бутылок, а то и сами бутылки. Я уж не говорю о филателистах и нумизматах. А Ария со *списком* из моцартовского *Дон Жуана*? Тоже ведь своего рода коллекция. Те же, кто не выказывает влечения к материальным интересностям, замещают его любопытством к своим (или чужим) впечатлениям, ощущениям, наблюдениям. «Принюхиваясь» – опять же к своим или чужим мыслям, – они собирают их в кучку, анализируют, изучают, сопоставляют, задумываются и затем делают выводы, то есть тоже *коллекционируют*. Вот так и появляются на свет божий разные открытия и теории.

В чём же основные, что называется, *базовые предпосылки* коллекционирования? Начнём с анекдота – старого, ну, очень старого..., с бородой. Слушайте.

Постановка проблемы

Одесса. Дом на Дерибасовской. Звонок в дверь. «Кто там уже?» – по-южному нараспев спрашивает густой низкий

женский голос. Дверь открывается, из-за неё показывается невысокая брюнетка, небрежно, опять-таки по-южному придерживающая халат. Вполне угадываются приятные упитанности некоторых частей тела. «Что вам уже ещё?». Пушистость над верхней губой подчёркивает милое, опять же южное произношение. «У вас продаётся славянский шкаф?» – спрашивает посетитель. «Ой уже мне, – раздаётся неповторимое грассирование. – Ви к шпиёнам? Это этажом више».

Если бы я, Марк Пекарский, намеревался сочинить детективноприключенческую повесть о коллекционерах, то начало выглядело бы примерно так, как в этом анекдоте.

Детектив о коллекционерах. Природа спала. Тяжёлые свинцовые тучи зловеще нависли над городом. Вдали, над застывшей рекой, тяжело поднимался серый предрассветный туман. Медленно размахивая крыльями, пролетела птица реполов. Его полёт был прерывист и тяжёл. Ощущение тяжести подчёркивала полная обнажённость степного пейзажа. Кругом – ни кустика. Вдруг из-за поворота показалась странная фигура. Короткими перебежками она передвигалась от дерева к дереву. На мгновение фигура замерла, едва удерживая под мышкой необычный предмет. Свет фонаря резко блеснул в чём-то зеркальном, но при первом же движении исчез. Всё так же зигзагами фигура достигла конца улицы и стремительно вбежала в единственный тёмный подъезд высокого мрачного дома. Дверь дома шумно захлопнулась, гулко

отозвавшись на всех трёх его этажах. Человек с трудом втиснулся в тесную кабину лифта – предмет под мышкой сильно затруднял маневренность – и поднялся на верхний этаж. Около квартиры № 666 он остановился и перевёл дух. Не найдя звонка, дрожащей рукой он произвёл условный стук непосредственно в дверь. Спустя некоторое время за дверью послышалось неуверенное движение, а затем туфли на высоких тонких каблуках-шпильках простучали по полу тот же условный сигнал. Скрежет засовов – и на пороге появилась высокая женщина. Длинное бледное лицо было прочерчено вертикалью острого носа и горизонталью тонких губ. Всё это обрамляли по-суфражистски непричёсанные короткие пепельные волосы. Из-под очков-пенсне холодно смотрели глаза неопределённого цвета. Из одежды, кроме шпилек, на ней было длинное чёрное, под цвет глаз, платье с глубоким декольте на спине и синие чулки. Портрет дополняли брезгливо опущенные уголки губ, пренебрежительно приподнятые брови и гребень – роскошный перламутровый гребень слоновой кости, вставленный в горделивый пучок каштановых волос. Поигрывая лорнетом, дама бесстрастно разглядывала пришельца.

– Вы хотели купить славянский шкаф? – хриплым сдавленным голосом спросил гость, показывая в сторону. В зеркале отразился скрюченный посиневший от холода палец.

Выдержав положенную паузу, дама изрекла: «Если вы к коллекционерам, то это этажом выше», – сказала и захлоп-

нула дверь.

Этажом выше загремела цепочка, и голос из темноты спросил:

– Что у вас?

– У меня славянский шкаф, а у вас что?

– А у меня две ножки от рококошного стола, кости, черепки, камешки...

Рококошные ножки остаются у хозяина, а бесценный хлам беспорядочно складывается в мешок и – тем же путём, через пустыри, зигзагами, преимущественно тёмными переулками – на улицу Твардовского, дом 23, квартира 6, подъезд 1, этаж 2, код 6-«вызов». Дома богатства высыпаются из мешка и предстают взору обезумевшего от счастья коллекционера.

А обезуметь есть от чего. Потускневшие мамонтовые кости... Ну конечно: это же части древнейшего палеолитного *остеофона*. Камешки – не что иное, как фрагменты *литофона* (ранний неолит), найденного во Вьетнаме в 1949 году, – инструмента, изготовленного из «поющего» камня роговика и издающего, по словам очевидцев, звуки космической окраски. Глиняные черепки, эти остатки барабанчиков из Польши – самые «молодые» сокровища маленькой коллекции: им всего лишь 4-6 тысяч лет.

– Да... – задумаетесь вы. – А сколько это могло бы стоить? Так... из простого любопытства...

А сколько бы ни стоило... Хотя цены им, по правде говоря, нет: здесь не продать – у кого же такие деньги есть? – за-

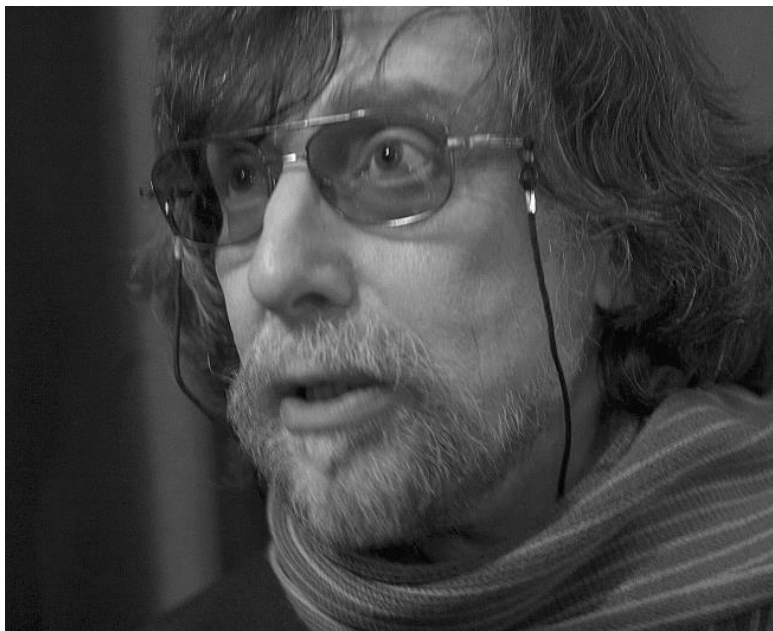
границу не вывезти, таможня заметёт...

– Что вы такое говорите! – замашет в негодовании руками г-н Пекарский. – Что за слова! «Продать», «таможня», «деньги»! Да как вы можете... Нет! Настоящий коллекционер не таков!!!

– А каков же он, этот ваш *настоящий* коллекционер?

– Обождите малость. Сейчас только выйду из этой детективноприключенческой ситуации ... Да и зачем она мне? Я ведь не какая-нибудь Агата Маринина.

Что такое коллекционер?

Ил. 2. Во-первых, он интеллектуал... Вы же видите...

Коллекционер – несчастнейший из людей. Ступив однажды на путь собирательства, этот человек на всю жизнь становится рабом своей коллекции, и нет такой силы, которая смогла бы избавить его от постоянного чувства экспонатного голода. Ему всегда мало, и чем больше он имеет, тем боль-

ше ему не достаёт. Понаблюдайте за коллекционером, «взявшим след». В такие мгновения он производит удручающее впечатление: ни минуты на месте, в глазах нездоровый блеск, руки мокрые, глотка пересохшая, голос дрожит.

Но (!) – когда предмет, который он жаждет приобщить к своей коллекции, уже принадлежит ему – этого ещё совсем недавно несчастного человека не узнать. Теперь он способен даже слегка подтрунивать над собственными слабостями. Его сердце и, конечно, коллекция открыты каждому. Похвалите новый экспонат – и вы лучший друг дома. Коллекционер – счастливейший из людей!

Чтобы добиться успеха на этом поприще, необходимо сочетать в себе обходительность дипломата с железной хваткой дельца, цинизм торговца с плаксивостью ребёнка, нюх сыщика с выносливостью гончей, ловкость карманника с напористостью носорога, расчётливость домовника с озарением ясновидящего...

Обсудим некоторые из перечисленных качеств и назовём эту главку так:

О технике пополнения коллекций

1. Обходительность дипломата.

Однажды в Венеции оказался я в Архиве известного композитора-авангардиста Луиджи Ноно.

– Так это тот самый Луиджи Ноно (или просто Джиджи),

когда-то одаривший Вас, Марк Ильич, маленькой коллекцией инструментов? – спросите вы меня.

– Да, – отвечу я, но об этом немного погодя. А сейчас несколько слов о даме, которая меня принимала: Нурия Ноно, вдова знаменитого итальянца собственной персоной. До замужества её называли Нурией Шёнберг – по имени отца, великого «нововенца» Арнольда Шёнберга, – так что правильное было бы называть её Нурией Ноно-Шёнберг. После смерти своего мужа она возглавила созданный ею архив, в котором собиралось всё, что каким-то образом было связано с творчеством и жизнью Ноно.

А пригласили меня туда, чтобы я рассказал, как мы познакомились с Луиджи. Особый смысл заключался для меня в том, что в Архиве хранилась рукопись партитуры *Музыки для 12 инструментов* князя Андрея Волконского, которую он прислал Ноно в 1958 году. Самым пикантным было то, что со дня написания этого произведения никто не видел ни партитуры, ни копии, ни, тем более, голосов, так как автор редко сохранял черновики или, не доведи господи, второй экземпляр. Мало того – Волконский, скорее всего, просто забыл о существовании *Музыки*, и думаю я так потому, что во время многочасовых бесед, предшествовавших написанию мною книги *Назад к Волконскому вперёд*, Андрей ни разу не упомянул об этом произведении. Конечно же, я решил добыть копию партитуры для моей коллекции.

Меня предупредили о некоторой прижимистости хозяйки

Архива, но шансы на успех всё-таки имелись, и путь к сердцу архивариуса пролегал, как мне опять же шепнули, через обольщение... Нет, нет, не подумайте ничего такого: я попросту должен был убедить пожилую даму в своём полном бескорыстии, в исторической важности возвращения произведения в Россию и т.д., и т.п.

Прибыв в Архив и вдоволь полюбовавшись, поулыбавшись, я расположился перед кинокамерой и почти слово в слово принялся излагать мою *Правдивую историю* (с которой вы, вскоре, надеюсь, ознакомитесь). По ходу рассказа обнаруживались некоторые до того неведомые свойства моего голоса. «Металлом» ваял я историю о концерте *Ансамбля ударных* в Западном Берлине в 1986 году в зале Академии искусств, где среди слушателей оказался Ноно. В более высокой тесситуре с лёгким вибрато звучали жалобы на незавидное положение моего инструментария. В бархатные оттенки было окрашено описание внешности Луиджи Ноно и повествование о знакомстве с ним...

Наконец мой фонтан иссяк, и казахская студентка, обучавшаяся вокалу в Венецианской консерватории имени Бенедетто Марчелло, перевела на итальянский последнюю мою фразу. Слегка остыв от лицедейства, я взглянул на слушательницу и понял, что фокус вроде бы удался: на челе синьоры блуждала счастливая улыбка, глаза сияли и источали волны доброты. Насладившись послевкусием от услышанного, хозяйка Архива мечтательно посмотрела на потолок, на ме-

ня и молвила: «Во время вашего рассказа мне иногда казалось, что я понимаю по-русски...» Тут я решил, что наступило время воспользоваться другим качеством коллекционера, названного нами так:

2. Напористость носорога.

– Хочу иметь копию партитуры Волконского, – отчеканил я. Но мой оппонент, как оказалось, имел богатый опыт профессиональной скаредности: «О, Луиджи всегда помогал молодым композиторам из Восточной Европы», – начала венецианская вдова свой рассказ и продолжала в том же духе минут двадцать. Дождавшись паузы, я повторил свою просьбу. – «Да, Луиджи побывал и в СССР», – не сморгнув глазом, продолжила синьора Нурия, и следующие двадцать минут были посвящены вновь возникшей теме. Но я опять был непреклонен: «Хочу устроить мировую премьеру произведения князя Волконского на его второй Родине, в Москве!» Тут глаза собеседницы остановились, и немного подумав она сказала: «Я дам Вам копию партитуры. Думаю, Луиджи одобрил бы моё решение...»

Премьера произведения Андрея Волконского *Музыка для 12 инструментов* состоялась в Москве на *Декабрьских вечерах Святослава Рихтера*¹ в 2013 году, спустя 56 лет после

¹ Международный фестиваль Декабрьские вечера Святослава Рихтера проводится ежегодно, начиная с 1981 года, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

его написания.

3. Ловкость карманника.

Поехали мы как-то с Андреем Михайловичем Волконским в путешествие по Армении собирать образцы народного пения. Первая встреча с автором проекта, секретарём Союза композиторов Армении Эдуардом Михайловичем Мирзояном состоялась в его ереванской квартире, где мы провели несколько первых ночей. Это был Дом композиторов, из его окон, как на ладони, был виден Арарат, точнее, два Арарата: Малый и Большой – по-армянски Сис и Масис. Мне не спалось, и я решил полюбоваться с балкона национальным достоянием, находившимся, кстати говоря, на территории Турции. Вид был потрясающий, но хотелось увидеть ещё и луну, скрытую одной из гор. Я поднялся на последний этаж, где располагалась нотная библиотека Союза композиторов. Дверь была приоткрыта, я заглянул внутрь и понял, что мало кто пользовался услугами хранилища: пыль на нотах и книгах была если не вековой, то вполне взрослой. Присев перед полками, я начал глазеть и ахнул: буквально под рукой оказался предмет моего давнишнего вожделения – толстенный том *Бейкеровского биографического справочника музыкантов*² пятого издания под редакцией Николаса Слонимского, американского дяди композитора Сергея Слонимского. Тут же скучала маленькая кучка партитур американского

² Bakers Biographical Dictionary of Musicians. New York, 1958.

композитора Алана Хованесса, которую тот привёз год-два назад на родину предков.

Решение возникло вмиг, но одновременно с ним пришла и лёгкая тяжесть под ложечкой. Должно быть, это «под ложечкой» было местом жительства той самой *совести*, о которой мы так часто вспоминаем, когда дело касается кого угодно, только не нас. На сей раз против всяких ожиданий г-жа Совесть занудливо начала бубнить мне на ухо всякие разные слова, что-то вроде: «кража», «порядочность», «стыдно»... Однако, выслушав сомнительные соображения о порядочности, краже и т.д., я предложил ей в довольно резкой форме отвернуться и не приставать. Позднее Совесть всё-таки обрассудилась и сдалась: «Ты сделал доброе дело, исполнив эту музыку на публике и записав её на радио и на диск!» – «Мало того, – поддержал я её, – одна из этих музык, *Октябрьская гора* и сейчас в моём репертуаре!» ... Что же до *Бейкеровского справочника*, то я пользуюсь им постоянно, в том числе, и в этой книге.

С тех пор я знаю, что главное в нашем деле – это договориться с собственной совестью!

Ил. 3. Скупой рыцарь

4. Плаксивость ребёнка.

Жил да был в Москве человек по имени Николай Михайлович Шаронов. Был он заведующим мастерскими Всесоюзного радио и телевидения. Мастерские располагались в одном из арбатских переулков в маленьком уютном домике. Денно и ночью в нём трудились мастера, возвращав-

шие жизнь музыкальным инструментам. В закромах хранились несметные богатства: трубы, кларнеты, скрипки и многое другое. Меня, как вы понимаете, интересовали ударные.

– Опять пришёл клянчить, – едва заведя меня на порог, говорил обычно Николай Михайлович. Но, несмотря на дежурное ворчание, инструменты к предстоящему концерту Ансамбля ударных давал безотказно.

Однажды в одной из каморок я разглядел старый музыкальный ящик. С этого момента коллекционер во мне в очередной раз зажил своей особой жизнью. Каждые два-три месяца я появлялся в мастерских и, не обращая внимания на Николая Михайловича и его якобы злобный взгляд, становился на колени перед объектом и выдавливал из себя натуральную слезу. Постояв немного на коленях, я поднимался, вытирал глаза, прощался с ящиком и уходил. Так продолжалось несколько лет...

В один прекрасный момент в сценарий моего визита было внесено изменение: рабочий человек скрылся в каморке и затем, пыхтя и отдуваясь, поставил передо мной музыкальный ящик швейцарского происхождения 1898 года выпуска. Как оказалось, все эти годы хозяин мастерских искал мастера, способного вернуть механический инструмент к жизни, и наконец это произошло!

5. Озарение ясновидящего.

– Правильно ли мы Вас поняли, г-н ясновидящий, что от-

бирая вещь для своей коллекции, Вы верите прежде всего в *интуицию*?

– Да, да и ещё раз да! Вот и умнейшая Агата Кристи, забросив свои логичнейшие детективные построения, на время стала интуитивистом и кое-что про меня поняла. Послушайте монолог коллекционера из её раннего: «Да, мы, евреи, имеем вкус, знаем, какая вещь прекрасна, а какая нет. Мы не идём за модой, у нас есть своё собственное суждение, и оно правильное! Люди обычно видят денежную сторону вопроса, но есть и другая. ... Есть люди, которые придумывают новые способы обращения со старым, вообще новые идеи, – и они не могут пробиться, потому что все боятся нового. Есть другие – люди, которые знают, чего публика хочет, и продолжают ей давать одно и то же, потому что так спокойнее, и гарантирована прибыль. Но есть и третий путь: найти новое и прекрасное и помочь ему пробиться»³.

– Как я понял, дрожайшая мисс Агата имеет в виду, что *можно предвидеть* это прекрасное. Ещё одно немаловажное соображение автора романа мы даём как бы в скобках, потому что напрямую к нашей теме оно не относится, – ведь речь здесь пойдёт о деньгах, а их-то «предвидеть», к сожалению, уж никак нельзя. Герой раскрывает карты: «Есть вещи, которыми я восхищаюсь и которые приведут в восторг нескольких ценителей – ими заниматься я не собираюсь. То, что буду делать я, будет иметь общий успех... Половина удоволь-

³ Кристи А. Хлеб великанов. М., 2000. С. 79.

ствия состоит в том, чтобы сделать вещь окупаемой...»⁴.

Ах, вот оно что: «Я рассчитываю, что всё это окупится». Но при этом: «Деньги – это не просто, чтобы покупать вещи, это гораздо больше... Это возможность собрать вместе *много красоты*»⁵ [курсив мой. – М. П.], — и поможет в этом богоугодном деле наша еврейская интуиция!

Однако речь мы ведём здесь вовсе не о каком-либо особом национальном менталитете... Хотя почему бы не поразмышлять на эту увлекательную и в то же время весьма щекотливую тему о некоем еврейском универсализме? Есть он или нет? Очень может быть, что это именно так, и ничего особенного здесь нет, – и вы знаете, по-моему, я догадываюсь, откуда оно, это национальное качество, так как, будучи представителем вышеописанной категории человеческих индивидуумов, я как бы изнутри могу разглядеть этот разворот своей сущности. Потому должен сообщить о себе следующее: я буквально физически ощущаю у себя за спиной многие-многие поколения моих предшественников, то есть я очень «древний». На этом и зиждется моя интуиция, которая помогает мне «предвидеть», то есть принимать *правильные решения*.

Высветив одну тему, я невольно затронул другую, не менее для меня важную, – проблему *самоидентификации*. Да, я «древний», и «у меня за спиной...» Но какбытьстем, что

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 72.

ни истории, ни религии моих предков я не знаю? Я даже – тысяча извинений, – я даже не... пардон... традиции... законы веры... общий с мусульманами обряд... мальчишки... обрезаение... Нет, не могу! Ещё раз пардон... Короче, *русская культура* и родной *русский язык*, на котором, кстати, я могу не только адекватно выражать свои мысли, но и неадекватно удивляться, изъясняться всякими разными словами и понятиями... Однажды я даже слегка пофилософствовал о русской ненормативной лексике⁶.

Да, в Израиле я не хотел бы жить: слишком уж много евреев... Но как же мне нравится Верхняя Галилея! Кинеретское озеро (Галилейское море), где Иисус ходил, «аки по сушу»... В скобках замечу, что в отличие от многочисленных поклонников израильской писательницы Дины Рубиной, я не слишком жалую и её русский, и её пейзажи, и бесконечные повторы, и... Ну, да Бог с ней. Но вот что мне безоговорочно близко, так это описание кибуца Огашерим в этой самой Верхней Галилее, где я однажды тоже провёл какое-то время: «...всё это вместе: и летнее чистое небо, и высоченные эвкалипты с голубыми стволами вокруг поляны, и древние камни римского акведука, и... – всё вместе в единую секунду сошлось в фокусе некоего увеличительного стекла, и луч направлен был в самую глубину груди»⁷...

Однако вернёмся к теме интуитивного предвидения и по-

⁶ См.: Пекарский М. Назад к Волконскому вперёд. М., 2005. С. 7.

⁷ Рубина Д. Миф сокровенный // Вот идёт Мессия!.. М., 2010. С. 153.

пробуем облегчить восприятие материала. Привожу пример из самого себя: однажды, являясь членом жюри конкурса *ARD* в Мюнхене, я сумел поставить правильный диагноз в пятидесяти девяти (!) случаях из шестидесяти одного. Процент попаданий – без чувства ложной скромности – весьма недурён! Что скажете?

– Вот, вот, пятьдесят девять. А в остальных двух – слабо было «в десятку»?

– Но я же не говорил, что никогда не ошибаюсь. Не угадал двоих соискателей: прослушав, как обычно, несколько тактов, туг же – положительный отзыв. Но через несколько минут – о ужас! – поверх всего пришлось написать: «Очень хорошо, но не более». Зато тут же после первого прослушивания три первых места присудил точно! И про Вас, молодой человек, попытаюсь угадать: на фортепианах можете баловаться сколько угодно, но успех ждёт Вас – попомните моё слово! – совсем на другом поприще. А если ошибусь, плюньте мне в... вот, возьмите моё фото... на память.

Себе же возможную ошибку я, конечно, прощу, потому что верю в справедливость аксиомы: «Всегда есть два взгляда на вещи». Что поделаешь, – ошибки у всех случаются. В подобных ситуациях есть только один совет:

ПРОДОЛЖАЙТЕ ЧТЕНИЕ

Моя коллекция народного творчества

Здесь речь пойдёт о проблеме выбора – вопросе необыкновенно сложном с точки зрения этики, морали и, я бы сказал, нравственности. Это и немудрено, так как нам придётся подвергать рассмотрению, оценке и конечному выборуственное народное творчество, а ведь это святое, ничуть не меньше!

Предварительный отжим я уже произвёл и предлагаю байки про меня. Вне всякого сомнения, это смелое решение, поскольку огонь возможной вашей критики я принимаю полностью на себя. Ещё одна причина рассмотрения темы «обо мне» состоит в том, что ваш собеседник был неоднократно изустно прославлен, – и это будут сказки или байки, то есть *маленькие сказки*. Из числа *Баек о Пекарском* есть одна, напрямую относящаяся к теме предыдущей главы, – *коллекционированию*.

Байка №1 О Пекарском (Про коровьи колокольчики)

Её рассказал ученик одиннадцатого класса Московской средней специальной музыкальной школы им. Гнесиных,

затем студентом факультета НИФИЗДИ⁸ Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского, затем... Короче... фамилию забыл... Может, когда-нибудь вспомню... Но, тем не менее: «Однажды Марк Пекарский, который очень любил колокольчики, которые висят на шеях у коров, которые пасутся на альпийских лугах, – однажды он поехал в Швейцарию. Его концерт должен был начаться ровно в 19.00 по местному времени. Ровно в 19.00 в женевском зале *Forum Meyrin* Пекарского не оказалось. Послали в отель – нет Пекарского. Объявили по радио – нет Пекарского. Обежали все места, которыми мог бы заинтересоваться российский артист, – нет Пекарского. Пришлось поднять в воздух эскадрилью вертолётов женевской полиции. Какое счастье, что Швейцария – небольшая страна, и через несколько минут командир одного из экипажей доложил по рации, что видит странную картину: невысокий бородатый человек в очках с эдельвейсом⁹наперевес гонится за коровой. Конечно же, это был Пекарский, который бегал по альпийскому пастбищу и снимал со всех коров *колокольцы*. Концерт был спасён, но... маэстро ещё предстояло объясняться со швейцарским правосудием».

⁸ НИФИЗДИ – Новый Исторический Факультет Интерпретации Западных и Других Искусств.

⁹ Эдельвейс альпийский – род многолетних травянистых растений семейства сложноцветных.

Какая печальная история... Воистину, путь коллекционера усеян не столько лаврами, сколько терниями... Вот пример: простые вентиляторы... Казалось бы, какие неприятности может доставить это устройство для подачи воздуха? А вот послушайте.

Байка №2 О Пекарском (Про вентиляторы)

Её рассказал учащийся... студент факультета... им. П.И. Чайковского: «Однажды Марк Пекарский ехал в Англию, точнее, в Шотландию, точнее, в Глазго. В Шереметьево, на таможне, его, как вы правильно предположили, конечно же, остановили, так как... Его багаж составляли 84 металлических ящика с инструментами. Швейцарский *music box* 1897 года рождения — этот механический аналог современных электронных музыкальных развлекательных агрегатов перевозился в ящике № 656. На его валиках было записано 18 мелодий, среди которых особенно эффектными были увертюра к *Тангейзеру* Вагнера, Песня Варлаама из *Бориса Годунова* Мусоргского и русская народная песня *Не одна я в поле кувыркалася*. До столетнего юбилея музыкального ящика оставались считанные дни, и композитор Александр Раскатов к этому случаю написал своё великое произведение *Воспоминание об «Альпийской розе»*, в котором прославил не только сам юбилей, но также и *Байку № 1*. Для достойного

празднования юбилея Пекарскому понадобились вентиляторы... много вентиляторов... целая партия вентиляторов... Четыре из них участвовали в новом произведении Раскатова *Гра-ка-ха-та* на тексты Велимира Хлебникова, написанном для солирующего тенора и одновременно скрипача Алексея Мартынова и *Ансамбля Пекарского*. Остальные вентиляторы... О, вы даже не представляете себе, для чего же нужны были остальные... Я тоже не представляю... Сам же Пекарский объяснял их необходимость специфическими чисто шотландскими климатическими условиями, при которых совершенно необходимо было вставлять эти вентиляторы внутрь литавр, что позволяло влиять на окружающую температуру и таким образом регулировать интонацию швейцарского музыкального ящика. Шереметьевские таможенники не удовлетворились представленными Пекарским объяснениями, но всё же пропустили эту партию вентиляторов...»

Проблема, тем не менее, так и не была решена на веки вечные, так как в следующий раз...

Байка №3 О Пекарском (Про театральных женщин)

Её рассказал невольный свидетель случившегося, который пожелал остаться неизвестным:

«После приземления в Риме перед блюстителем торго-

вых пошлин встала всё та же проблема, и они решили досмотреть весь багаж Пекарского. Каково же было их изумление, когда в ящиках №№... — да не важно, в каких именно, — они нашли партию... российских женщин, командированных Российским союзом театральных деятелей на празднование в Риме столетнего юбилея Владимира Владимировича Маяковского. Пекарский возглавлял тогда *Театр звуков*, „а союзовские“ дамы были оформлены как члены театра. Поняв, однако, что снять пошлину с театральных членов Пекарского не удастся, их вместе с самим Пекарским передали на паспортный контроль.

Жене Пекарского, Ольге Петровне Колесниковой, легальность которой Пекарский догадался вовремя оформить, удалось убедить итальянцев, что «союзовские» женщины — не живой товар (прости, Господи!). Сам же Пекарский — не только член этого гастрольного театрального товарищества, но и — более того — его глава, а не какой-нибудь су... суть... сутен... — пardon, не могу правильно произнести».

Короче — праздники как в Глазго, так и в Риме, невзирая на все трудности передвижения, в конце концов, удались. Это, в свою очередь, лишний раз доказывает, что на театре жизни искусство является единственной объективной реальностью, то есть субстанцией или, если хотите, материей в единстве форм её движения. Именно это качество не преминула отметить пресса: «Вы думали, что существует четы-

ре элемента музыки, не так ли? Мелодия, гармония, ритм и тембр? Их пять, что наглядно показал Марк Пекарский... Добавьте театр!» (*The Glasgow Herald*).

– Непонятно, для чего Вам, г-н Пекарский, все эти приключения на свою... Умолкаю, умолкаю: вопрос, конечно же, риторический. В таком случае удовлетворите наше любопытство и скажите, как же началась эта... как бы поделикатнее... болезнь, что ли... Может, недомогание? Определённо, это уже лучше. Попробую ещё точнее! Да, да, да – это Вам понравится: *увлечение*?

– Ответ готов и даже уже напечатан. Он содержится в приветствии публике, пришедшей на открытие выставки *Игры в инсталляциях*, где были представлены инструменты из моей коллекции...

– При чём здесь инсталляции?!

– А что же есть, по-вашему, ударные инструменты, как не «монтирование и оборудование какого-либо предприятия или установки»¹⁰ или – ещё проще – не сама установка, устройство?

Байка №4 О Пекарском (Про барабанчик дарабукку)

Её рассказал однажды сам г-н Пекарский в Институте культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева по

¹⁰ Краткий словарь иностранных слов. М., 1984. С. 101.

улице Космонавтов, дом 2:

«Дорогие друзья! В то время, когда я был студентом Музыкально-педагогического института им. Гнесиных¹¹, я часто бывал в этом доме. Здесь тогда располагалось общежитие гнесинского института. А приходил я сюда, чтобы с однокурсниками и однокурсницами постигать премудрости того, что было абсолютно никому не нужно, но без чего нельзя было жить в нашей советской стране. Не знаю, как остальные, а я уж точно не понимал сути слов *научный коммунизм, атеизм, марксистская эстетика, диалектика* и т.д. Поэтому после сокращённого до предела «изучения», сводившегося к списыванию друг у друга конспектов, мы весело общались допоздна. И вот однажды во время маленькой пирушки в комнате № 36 одна из очаровательных обитательниц этого жилища подарила мне арабский барабанчик под названием *дарабулка*. Он был похож на кувшин, поставленный вверх дном, а вместо самого дна была натянута кожа. Барабан не мог стоять самостоятельно, потому что его керамический корпус был слегка повреждён снизу. Ранение оказалось не тяжёлым, я был полон сострадания и, позабыв о девушках, весь вечер общался с моим новым другом...»

¹¹ Сейчас Российская академия музыки им. Гнесиных.

БАЙКА №5 О ПЕКАРСКОМ (ПРО DOPPELAUSKLAUBSTÄBCHEN)

Её рассказал... студент... НИФИЗДИ:

«Однажды ещё совсем молодой Марк Пекарский сидел с ещё довольно молодой Софиюшкой Губайдулиной за бутылкой водки, и происходило это в классе ударных Гнесинского института, горделиво именуемого сейчас Академией. Обсуждалась животрепещущая проблема: *как нельзя играть на ударных инструментах*. Пекарский убеждал Губайдулину, что существует множество самых разнообразных и интереснейших не описанных в учебниках способов извлечения звука... Убеждал так... Убеждал эдак... Убеждал ещё раз... И ещё... Наконец, в пух и прах убежденная София Асгатовна начала писать музыку для ударных. В результате всемирно теперь известный композитор София Асгатовна Губайдулина через определённый промежуток времени произвела на свет целый „выводок“ произведений для Пекарского и его ансамбля».

Но история на этом не закончилась. После того, как великая женщина-композитор покинула гнесинский класс ударных, Марк Пекарский провёл со всеми желающими подробный мастер-класс по различным способам музыкального общения. Наутро педагог Пекарского Владимир Павлович Штейман пришёл в класс и, как обычно, плавно и вместе

с тем грузно опустил своё тело в своё же любимое кресло... Плавно опустил, зато резво подскочил. «Что это?» – побагровел учитель, доставая из-под... из-под... ну, в общем, доставая женскую шпильку – если помните, эдакий двузубец. – «Это, – ни на секунду не задумавшись, ответил Пekarский, – это предмет моих ночных исследований. Вы, Владимир Павлович, как мы все знаем, – приверженец традиционного способа звукоизвлечения из наших инструментов, то есть Вы ударяете. У Вас в руках, попросту говоря, палки – барабанные, литавровые и т.д. Назовём их по-научному *средством удара*. Я, как Вы знаете, начал заниматься музыкой довольно поздно, в тринадцать лет. Первые три года я, как и было положено, осваивался под руководством моего первого педагога Сергея Александровича Колдобского с традиционной системой игры на ударных, то есть при помощи всё тех же средств удара. На четвёртый год обучения, когда мне было уже шестнадцать лет и я совершенствовался у Владимира Васильевича Федина в Гнесинском училище, – именно тогда я, обладая пытливым умом и необузданным любопытством, открыл для себя новые инструменты – к примеру, *гуиро*, *реко-реко* и т.д., которые требовали иных способов игры. Так, наряду со средствами удара я начал активно изучать (и по сей день изучаю) *средства трения* — этот поистине неисчерпаемый кладёз интереснейших и неожиданных возможностей, а также источник истинного наслаждения звуком. Сегодня же ночью я с Божьей

помощью, а также с помощью предмета, вызвавшего Ваше, Владимир Павлович, негодование, – сегодня я открыл ещё один способ музыкального существования: *средство ковыряния!* Я даже придумал для него, как мне кажется, красивое название: *Doppelausklaubstäbchen*. Правда, красиво звучит?»

Как вы помните, всякая история, да и вообще всё в жизни имеет, по крайней мере, два толкования. Про эту же историческую встречу рассказывает сама С.А. Губайдулина.

Байка №6 О Пекарском (Про историческую встречу)

Её рассказала София Асгатовна Губайдулина:

«В первый раз мы встретились в здании Гнесинского института в Москве в тот год, когда он готовился к выпускному экзамену. Пекарский предложил мне написать вещь специально для ударника *solo*, которую он собирался включить в выпускную программу. И я отважилась. К тому времени в нём уже были видны все данные, которые формируют индивидуальность настоящего музыканта: кроме совершенной музыкальности он обладал неистощимым любопытством ко всякой новизне и способностью выжить, несмотря на все материальные сложности жизни. Наиболее поразительное в Пекарском – это глубокое проникновение в своё ремесло, полная идентификация со своими инструментами и понимание

того, что ударные содержат в себе некую тайну. И, конечно, вокруг него сконцентрировались наиболее интересные композиторы не только из Москвы, но также из других городов»¹².

И всё же, что, в конце концов, коллекционирует *счастливейший из людей?* — ВСЁ! На ваше обозрение были представлены шесть (на самом деле их больше) экспонатов из раздела *Байки о Пекарском*. В следующем разделе сам М. Пекарский, порывшись в своих папочках, изложит некоторые приколы с иностранными словами.

Байка №7 О Пекарском (Про грузинский язык)

Её напомнил мне человек по имени Гия Абуладзе, с которым мы когда-то... Впрочем, Гия сам высказался на этот счёт 12 ноября 2014 года ровно в 20 часов и 39 минут по тбилисскому времени посредством электронной почты:

«Марк, приветствую! Мы случайно встретились в горах Кавказа. Я случайно наткнулся на ваш мейл и очень обрадовался. Желаю успехов. С уважением, Гия Абуладзе».

Вы спросите: а кто такой этот Гия? Отвечаю...

Путешествовали мы однажды по Дагестану с князем Волконским и его сыном Петером, Имя Петер было вполне за-

¹² Холопова В., Рестаньо Э. София Губайдулина. С.54.

конным, так как был он рождён в Таллине первой женой Андрея Хильве, и нарекли сына на эстонский манер. Он был младше меня, и я называл его Петей или Петром. Андрея Волконского я называл по-советски: *товарищ князь*. Он меня – *товарищ Пекарский*.

В один прекрасный летний вечер мы втроём погрузились в поезд Москва – Махачкала и, ведя неспешные беседы, так же неспешно повлеклись в сторону «сердца Кавказа», как называл этот горный край князь Андрей, совершивший к тому времени несколько путешествий по Дагестану.

Следуя своему природному любопытству, я под руководством Пети принялся за изучение буквы *ы* эстонского алфавита. Оказалось, что её эстонское произношение существенно отличается от нашего русско-народного: этот звук следовало произнести лишь после того, как гортань отодвигалась вглубь почти что до шейных позвонков, в то время, как язык буквально прилипал к нижней части рта. Образовавшийся в результате этих манипуляций ротовой резонатор улавливал и усиливал поднимавшийся откуда-то из самого чрева требуемый звук, который, как я ни старался, никак не желал покидать место своего рождения. Итог всех моих ухищрений, увы, был ничтожным: вместо предмета гордости эстонского языка из желудка доносилось подлое куриное курлыканье, на что княжеский отпрыск ехидно хихикал, приговаривая, что я туп, как сибирский валенок. Я не оставался в долгу и предлагал юному созданию произнести что-нибудь шипя-

щее, например, «шмель жужжал в шиповнике», – а для эстонца это смерти подобно, потому что, как вы помните, их язык никак не предполагает наличие шипящих...

Наконец, мы приехали на берег Каспийского моря, затем прошвырнулись по горам и, однажды оказались высоко-высоко над Ала-занской долиной, простиравшейся у наших ног. Это была Кахетия. Где-то в центре этого благословенного края белела церковь. Оригинальную версию возникновения названия этого храма представил нам встретившийся где-то на дорогах Кахетии один азербайджанец, по утверждению которого церковь эту строил другой «один азербайджанец». Построить-то он её построил, но вот крест укрепить не успел, так как за этим занятием он сорвался с высоты и... По дороге к матушке-земле несчастный успел обратиться к Всевышнему: «Аллах, спаси! – прокричал он в отчаянии – Алла верды!...» – Мало того, – завершил свой рассказ этот «один азербайджанец», – все православные храмы в Грузии построили азербайджанцы!

Так мы какое-то время сидели на корточках, лениво глазели на Кахетию, выискивая главный её город Телави... Князь, мечтательно закатив глаза, рассказывал о потрясающе вкусном местном блюде *квереби*: «Как, Вы, товарищ Пекарский не знаете, что такое квереби? Пете, этому провинциалу, живущему где-то на окраине мира в Эстонии ещё простительно, но Вам... Это означает лишь одно: Вы ничего не понимаете в жизни! Квереби – это бараньи семенники, и эта шту-

ка будет поглавнее кулинарных вывертов французских Луёв! Это симфония, и это может сравниться разве что только с Вагнером!» Внезапно Князев взгляд потух, голос потускнел: «Увы, сейчас ещё не сезон... Осенью, только осенью...»

Мне не оставалось ничего другого, как исполнить свой общественный долг и пойти на дорогу ловить попутный транспорт до ближайшего городка Кварели. Ждал я не долго: «Куда тебе, дарагой?» – донеслось из кабины грузовика, гружёного каменными плитами. Я не сразу отвлёкся от Князева рассказа, но очнувшись, с готовностью выкрикнул: «КВЕРЕБИ!!!» Что произошло после этого, трудно описать: шофёр шумно вдохнул, но выдохнуть никак не смог. Его глаза полезли из орбит прямёхонько на лоб, лицо налилось, и я не на шутку испугался за здоровье водителя. Так прошло несколько томительных мгновений, пока его слегка отпустило, и произошёл долгожданный выдох. Из глубины его сущностей сперва раздался стон, прерываемый спазматическими вздохами, после чего окрестности сокрушил дикий нечеловеческий хохот. Горы ответили громовыми раскатами *А-а-а-а!* *Э-э-э-э!* *У-у-у-у!* — и так далее на все гласные буквы. Я судорожно осматривался, подыскивая укрытие на случай камнепада, селевого потока, снежной лавины: – Кве... кве... квер... квер... е... кве-р-р-р... е-е-е... е-е-би-и... е-би-би... Квереби! Квереби! – выкрикнул наконец несчастный, и человеческое обличье начало постепенно возвращаться к нему.

– Кварели, – тихонько, как бы извиняясь за свою неловкость, прохрипел я, и шофёр, всё ещё икая от недавнего приступа и сокрушённо покачивая головой, вытер слёзы и в изнеможении проговорил: «А я думал, что ты просишь проводить тебя на... на... ну... ну, ладно. Залезай со своими друзьями на камни в кузов. Да не вывалитесь на повороте! А я повезу вас на... на... ха-хаха-ха...!!!»

Позднее мы встретились с Гией Абуладзе (см. начало байки), пожилы в Телави, поприисутствовали на пурмарили (пирושке) в роли чангалистов («вилочников»-халявщиков), доехали на перекладных до Тбилиси и сутки погостили в доме его отца, Тенгиза Абуладзе, автора известного фильма эпохи перестройки *Покаяние...*

Байка №8 О Пекарском (Про немецкий язык)

Я очень люблю барабанить. А ещё мне нравится готовить. А раз мне нравится готовить, то я должен любить и кухню. Да, я отношусь к кухне с меньшим пиететом, нежели к столу, – а о моих отношениях со столами можно было бы разглагольствовать часами... Вот, например, господин *обеденный стол*, предмет моей особой любви и почитания! Это мой партнёр по общению с друзьями, потому что их, друзей нужно любить и кормить. Понятия *кухня* и *стол* для меня практически идентичны, и вотздесь-то и начинается наша исто-

рия.

Оказался я однажды в маленьком немецком городке-деревушке Хюльцвайлер где-то в земле Саар на границе с Францией. Жил я в доме рабочего автомобильного завода *Форд* Влади и его жены Гизели. Точнее, дом принадлежал родителям Влади, которые располагались на первом этаже. На втором обитали «молодые», которым было где-то под сорок. Меня поселили в маленькой гостевой комнатке, показав прежде всего самое необходимое – ванную и туалет и лишь после этого провели по своим владениям. Собственно, показывать особенно было нечего, так как домик был маленьким. Главной достопримечательностью был миниатюрный уютный дворик с зеленеющей травкой на всех его тридцати квадратных метрах. Посредине стоял обеденный стол, гостеприимство которого мне предстояло оценить очень скоро. Из дворика путь пролегал прямёхонько на кухню, и здесь, желая понравиться хозяевам, я воскликнул: «О, я очень люблю кухню!» ... Но, произнося эту фразу по-немецки, я забыл об умлауте – двух точечках, смягчающих звук *и*. В результате вместо *кЮхе* у меня получилось *кУхе*. Гизель взглянула на меня с недоумением, затем просветлела и поправила: *кухен*. Я обрадованно закивал головой: «Ja, ja, natürlich *Kuchen!*»

Ах, я тёмный! Ведь я не знал, что по-немецки *Der Kuchen* обозначает пирог, пирожное. Рассказ мой будет неполным, если я не раскрою один маленький секрет: я с детства не жалую всяческие сласти, будьте варенье, конфеты, пирож-

ные, – при виде всего этого мне становится просто нехорошо... Моё языковое невежество было наказано по полной программе: в конце обеда матушка Влади торжественно внесла и поставила прямо передо мной бисквит – длинный, с витиеватыми розочками из сливочного жирного крема... Сладкое; меня не поймут, если я опишу хотя бы малую часть моих ощущений от поедания этого изделия, и потому умолкаю.

Мои злключения на этом отнюдь не закончились. Через неделю состоялся мастеркласс для студенток-русичек из соответствующего Саарбрюккенского вуза. В программе были частушки русского народа. Сутра приводился в порядок учебный инвентарь: мужчины наладили очаг и подвесили над ним на цепи колесо от телеги, женщины замариновали мясо и выставили рядами бутылки со шнапсом. Вечером рядом с очагом уселись развесёлый председатель Баховского общества сантехник Иоахим и совершенно окосевший от дегустации горячительных субстанций специалист по старинным духовым инструментам, артист московского ансамбля *Мадригал*. Первый держал в руках *концертину* — аналог русской гармошки, второй прилаживал к коленям (точнее, где-то рядом с ними) откуда-то взявшуюся русскую балалайку. Видно было, что дуэт был сыгранным и спитым. Прозвучало музыкальное вступление состоявшее из сложной цепочки гармоний – тоника-субдоминанта-доминанта-тоники, – и понеслась душа в рай: я что есть мочи, на всю округу орал

частушки, студентки-русички, сбившись в кучку, аккуратнейшим образом записывали услышанное в свои тетрадошки. «Пение» по их просьбе иногда прерывалось, и приходилось разъяснять некоторые поэтические термины и их правильное произношение. – «Lieber Mark! Was ist ein Wort aus Tschastuschka „дефки ф озере купались, ... резиновый нащли, до того они смеялись даже ф школю не пошли“». Что «резиновый» они нашли? И как правильно произнести это слово?» – допытывались они...

Так продолжалось довольно долго: *Hegg'ы* раскачивали над костром колесо с шашлыками и щедро поливали его шнапсом, *Frauen* щедро подносили тот же шнапс солисту для промывания горла и освежения голоса, ваш покорный слуга, «солист», орал частушки, полоскал горло...

Результат мастеркласса оказался весьма эффектным: на следующий день я попал на операционный стол больницы в Саарлуисе, где нож упорядочил то, что с моего музыкального детства было нарушено поднятием ударных тяжестей, а также невоздержанным принятием накануне на грудь германских горячительных жидкостей. В ожидании лежал я на больничной койке животом вниз, больным местом кверху, а белый как лунь профессор Шмидт, совершавший на театре больничных действий ежедневный обход, лишь взглянув на меня, всё просёк и изрёк: «ОП¹³ – завтра. Salbe, bitte». Ассистент послушно вложил в его руку вату с волшебной мазью,

¹³ Операция [нем.].

и тот монаршим жестом благословил моё больное место.

После операции Гизель и Влади регулярно меня навещали, каждый раз принося самые разнообразные *Kuchen* — всегда неизменными оказывались розочки. Медсестрички, таким образом, бывали регулярно осчастливлены и необыкновенно заботливо обходились со мной — как в целом, так и с больным местом в частности.

В честь моего возвращения из больницы был устроен большой приём, то есть, говоря по-русски, пьянка-обжираловка. Из гостей присутствовали всё тот же председатель Баховского общества Иоахим и его жена Хайди — председатель местного Хорового общества. На этот раз я, следуя советам врачей, был аккуратен, хозяева же веселились до отказа, пока гости не выказали желания разойтись по домам, оставив меня за столом перед очередным *Kuchen* с розочками. Влади решил проводить гостей, а я, высунувшись в окно, слал им воздушные поцелуи. Увидев меня за этим занятием, Влади набрал воздуха и на весь Хюльцвайлер проорал: «Wie ist deine Arsch?!» Моя *Arsch*¹⁴ чувствовала себя пока неважно после операции, с тем я и улёгся спать, чтобы набраться сил перед очередным подвигом: на завтра мне предстояло посещение ресторана.

Земля Саар соседствует с Францией и даже какое-то время входила в её состав, так что местная кухня испытала серьёзное французское влияние. Я не являюсь тонким знато-

¹⁴ Задница [нем.].

ком и ценителем французской кухни, потому что не живу во Франции, но какие-то соображения по данному вопросу имею. Символом величия, смелости, вседозволенности, нетривиальности кулинарии этой великой страны являются для меня *лягушачьи бёдрышки*. Однажды я высказался об этой еде и здесь позволю себе повториться: «Но вот, наконец, и мои любимые *Grenouilles*. Ах, вы никогда не пробовали лягушачьих лапок? Представьте себе, цыплёнок по сравнению с ними – грубое потное мясо старого быка-производителя. Искренне вам завидую, так как счастливый момент познания вам ещё предстоит когда-нибудь... Нет-нет: никаких вилок и ножичков, – только руками. И сопроводите эту некогда квакающую вакханалию болотных сплетниц розовым вином... Вот так. Ну, а теперь, когда внутри у Вас полная благодать, а все мелкие косточки аккуратно сложены горкой на краешке тарелки, – помоем пальчики...»¹⁵

Теперь вы, надеюсь, понимаете, что я собирался отведать в местном ресторанчике. Ни секунды не задумаваясь, я отчеканил: «*Ich will frosche Fiisse*». В тот же момент Влади остановил машину и беззвучно повторил одними губами: «*FROSCH FUISSE...*» Его жена Гизель как-то странно замерла, и в этом обездвиженном состоянии пробыла некоторое время. Это было типичное стопроцентное состояние ступора, знакомое ещё по школьной программе психологии... Пока я силился понять, что произошло, Гизель начала ма-

¹⁵ Пекарский М. Назад к Волконскому вперёд. М., 2005. С. 229.

ло-по-малу отходить: сначала её губы, как и у Влади, беззвучно зашевелились, затем звуки стали более узнаваемыми, и в конце концов я различил всё то же *frosche Fusse*. Посмотрев на меня сперва со страхом, а затем и с ужасом, Гизель спросила: «Марк, почему ты хочешь съесть *лягушачьи ногти*? Может, в России это национальное блюдо? Боюсь, что повар нашего ресторана не сможет выполнить твою просьбу!» Наконец я понял, что сказал что-то не то, и начал хлопать себя по ляжкам, сопровождая это странное на первый взгляд действие кваканием. Так я прохлопал какое-то время, пока глаза Гизели не оживились, а Влади не перестал с силой нажимать на педали стоявшей «на привязи» машины. «Марк хочет лягушкины ногти, Марк хочет лягушкины ногти! – заорали Влади и Гизель – и орали до тех пор, пока фраза не ритмизовалась и не превратилась в некую рэповую попевку, которую мы втроём скандировали до самого ресторана.

Как легко однако повелевать массами! Вскоре весь ресторан дружно, как один, декламировал под стук пивных кружек что-то про *лягушкины ногти*. Передо мной в это время росла гора обглоданных лягушачьих косточек, и то, что я потреблял, следовало называть вовсе не *frosche Fusse*, а *froosche-Schenkel* и обозначало это *Schenkel* бёдрышки, ляжечки...

А вот другая папочка: *Композиторские байки про композицию*.

Композиторская байка №1

(Про нелёгкий композиторский труд)

Её рассказал Р.К. Щедрин на телевизионном канале *Культура*. Марк Пекарский её прослушал, тут же зафиксировал довольно близко к тексту, затем систематизировал, классифицировал и, в конце концов, поместил в данный раздел. Вот она:

«...Писать ведь очень, видите ли, трудно... даже очень трудно... Ну, знаете, это конечно, для тех композиторов, которые пишут настоящую музыку. Я сейчас живу в Мюнхене (на экране дом на Marienstrasse, дверная металлическая табличка с надписью «Schtschedrin», звучит музыка Щедрина).

Наш композиторский труд всё-таки очень сложен... Понимаете, сочинять музыку очень трудно... Конечно, если это настоящая музыка, которую пишут настоящие, а не какие-нибудь там композиторы. Да...

А работаю я сейчас в издательстве *Schott and Sons*. Это очень хорошее издательство... А я там консультант. Там хорошо работать...

На самом деле, нам, композиторам, пишущим музыку... настоящую музыку... приходится очень сложно. Вот, кажется, всё хорошо: ты сидишь перед фортепиано, смотришь в нотную бумагу... Руки... вот они, готовы, глаза – смотрят в ноты... а вот голова... мозг... нет, никак.

Я пишу больше сейчас на заказ. А что? Это очень хорошо: заказ! Во-первых, деньги... а они нужны... ох как нужны... как же без них? Нет. Без них нельзя. Никак...

А писать музыку, — ох, как же трудно... я здесь говорю о нас, настоящих... пишущих настоящую... И руки хотят, и фортепиано перед тобой, и мозг тоже... А вот глаза... Эх, а глаза не могут: устали...

Недавно мне заказали вступление к *Девятой симфонии* Бетховена... Премьера прошла... Успех... Хорошо было... Да и деньги...

Но как же это трудно писать музыку... но... настоящую... нам... композиторам...»

А вот бесконечно ценимый мною князь Волконский, который, как никто другой, оказал на моё становление сильнейшее влияние, и только сейчас, по прошествии времени, я в состоянии оценить это...

Композиторская байка №2

(Про этику композиторского труда)

Её рассказал опять же г-н Пекарский:

«Дело было в городе Донецке после обеда, за которым мы с князем Волконским дегустировали фирменное ресторанный блюдо *Шницель по-донбасски*, — и в то же время перед ужином, на который было выбрано другое, тоже фирменное:

Котлеты по-шахтёрски. Неспешная беседа вполне соответствовала времени суток и физиологическому состоянию наших организмов.

– Яс глубоким пониманием отношусь к рассказу Щедрина. Почему я так мало пишу? Да потому что – не поверите – писать ведь **ОЧЕНЬ ТРУДНО**.

Ил. 5. Князь Волконский Андрей Михайлович обедают в кругу друзей. Экс-ан-Прованс, 2002

– Да уж верю, товарищ князь... А помните ли, как однажды, во время нашего путешествия по Западной Украине, Вы обнаружили у меня «идеальное», как Вы сказали, чув-

ство формы? «Вы могли бы стать композитором», – констатировали Вы. Но композитором я не стал, а если бы стал, то имел бы много проблем с материалом: его у меня просто не бывает. Но гипотетически это могло бы, наверное, произойти. И что бы я тогда делал? Кем бы себя ощущал? Композитором? Пожалуй, нет. Если предположить, что я всё-таки мыслю себя композитором, то лишь в том смысле, что сочиняю не какую-то определённую музыку, а *концерт* — то есть беру, подобно народным искусницам, лоскутки, соединяю, сшиваю их...

– Г-н Пекарский! То, о чём Вы говорите, называется... боюсь даже произносить это слово: КОМПИЛЯЦИЯ... Вы знаете, что это означает на латыни? Нет? Кража, ограбление! Вот куда Вас занесло и до чего Вы докатились...

– Э, нет, г-н обвинитель. Вот что умная книга говорит по этому поводу: компиляция есть всего лишь «составление сочинений на основе чужих исследований или чужих произведений без самостоятельной обработки источников»¹⁶. Тот, что без самостоятельной... Нельзя же в самом деле так нетворчески подходить к проблеме. Эдак можно всю полистилистику под монастырь подвести.

¹⁶ Универсальный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 601.

Композиторская байка №3 (Про волконского)¹⁷

Её рассказал Игорь Голомшток:

«Это относится к началу 80-х годов, когда среди русской эмиграции началась травля Андрея Синявского как русофоба и еврея (?). В редакцию журнала *Синтаксис*, издаваемого Синявским в Париже, пришло тогда письмо от некой г-жи Рожковской, где она клеймила разных синявских, амальриков, Паустовских и прочих представителей нации, порабо-щающей русский народ. Волконский откликнулся письмом, тоже присланным в *Синтаксис*. Привожу его целиком.

„Г-жа Рожковская! Ваше письмо в редакцию *Синтаксиса* застало меня врасплох. Вы вынуждаете меня, прямого потомка Рюрика в XXX колене, раскрыть большую семейную тайну: Рюрик вовсе не был варягом, а был он обыкновенным жидом. Вот с каких пор мы начали поработать вас, русских!

Признаюсь, что некоторым из наших, хотя бы тому же Ивану Г розному, это особенно хорошо удавалось.

После Ваших блестящих разоблачений нет больше смысла для меня оставаться в подполье вместе со всякими синяв-

¹⁷ Туманов А. Беззаконная комета. Андрей Волконский и ансамбль «Мадригал» // Знамя. Ежемесячный журнал литературно-художественный и общественный политический журнал 2014 № 8 (<http://magazines.ru/znamia/2014/8/>).

скими и прочими амальриками. Скинув маску, мне теперь будет легче продолжать дело отцов по растлению русского, а заодно и французского народов. Почту за честь быть в одной компании с еврейским недорослем Бродским. Правда, не знаю, заслуживаю ли: он-то семилетку закончил, а я нет. Князь Андрей Болконский“».

Ещё одна совсем *небайка* — жанр которой трудно идентифицировать, но, тем не менее

Композиторская байка №4 (Про «что такое хорошо и что такое плохо»)

Её рассказал Филипп Моисеевич Гершкович на своей московской квартире на улице Остужева, а Марк Ильич Пекарский слушал, запоминал и записал всё это по возвращении домой на улицу Ленинский проспект (тоже в Москве):

«Вы должны быть не только ударником, а „не пишущим композитором“, „не теоретизирующим теоретиком“... А то, что Вы занимаетесь ударными – это Ваше личное дело».

«Очень много людей теперь играют „хорошо“. Они стоят в очереди с подносом за своим музыкальным обедом. Говорят, что за последние 30-40 лет играть стали лучше. Может быть, технически и лучше, но возмём Горовица: утверждают, что он плохо играет. Возможно. Но я услышал у него несколько

тактов, лучше которых мне не нужно».

«Музыкантов очень мало. Композитор – это, конечно, музыкант (либо узкий – занимается только своей музыкой, либо широкий – занимается музыкой вообще). Музыковед, пожалуй, тоже музыкант. Исполнитель, за редким исключением, – не музыкант».

«Андрей [Волконский. – *М.П.*] мог бы очень многого добиться, но он малодушен (не ленив!), чтобы отказаться от успеха. Все люди на земле желают успеха. Эдик [Денисов. – *М.П.*] не пытается что-то делать – он делает!»

«Я консерватор, но мой консерватизм идёт гораздо дальше».

«Музыку невозможно понять, её можно знать, то есть быть знакомым с её внешней оболочкой. Невозможно понять Бетховена.

Великие музыканты Шёнберг и Веберн поняли Бетховена и, только поняв, создали что-то новое».

«Какой смысл писать музыку для ударных? Это всё равно что готовить жаркое для протеза зубов».

Да. Не очень-то жаловал Филипп Моисеевич мои инструменты. Подтверждение этому нахожу в письме моего старого друга, композитора Виктора Суслина.

Байка №5

(Про «пекарскую пустыню»)

Её рассказал композитор Виктор Суслин, покинувший в своё время СССР:

«Дорогие Оля и Marcus!

Во-первых, поздравляем с новорожденным тов. Пекарским (ничего не поделаешь: раз родился, стало быть, майся...).

Признание приходит незаметно, но верно: Ф. Гершкович, например, в одном из писем говорит о „мелодии, заблудившейся в песках Пекарской пустыни“.

Или вот ещё: „После того, как Пекарский под орган заметит музыку вдрызг... и т.д.“

На первый взгляд, это сказано негативно, но для того, чтобы заблудиться в песках „Пекарской пустыни“, кто-то должен был её создать! Этот факт важнее, чем 1000 хвалебных газетных статей».

Уж и не знаю, как всё это понимать: то ли похвалили, то ли поругали... Думаю, что образ Пекарского использован Филиппом Моисеевичем в качестве скорее собирательном, чем личном. Во всяком случае, в его открытке, полученной однажды мною, ничего «такого» нет. Послушайте:

Композиторская байка №6

(Про трудности бестелефонной жизни)

Её рассказал сам Филипп Моисеевич:

«Мне сообщил Ваши координаты по моей просьбе Денисов. Мы с Вами живём недалеко друг от друга, при том же отсутствии телефона. Мне очень хотелось бы побеседовать с Вами относительно некоторых музыкальных вопросов. Напишите мне, прошу Вас, такую же открытку, в порядке попытки договориться о встрече. По почте, конечно, это труднее, чем по телефону. Сердечный привет».

Ну что же, вполне дружелюбно...

А вот совсем свежий экспонат, «выплюнутый» однажды моим факсовым аппаратом:

Композиторская байка №7

(Про учение о музыкально-прекрасном)

Её рассказал опять же Суслин:

«ХВАКС: тов. М. Пекарскому (Дикарскому)

ОТ: г-на В.Суслина

Дорогой товарищ Пекарский!

В связи с намечающимся уходом предыдущего года обратно в преисподню (откуда он и вышел), а также в связи с со-

бытием по смыслу совершенно противоположным: появлением на свет 31 января [ошибка: товарищ Пекарский родился 26 декабря. – М.П.] св.* Марка – покровителя и защитника всех барабанщиков и создателя учения О музыкальном пекарском, мы все – жители Аппена – испытываем сильнейшую потребность выпить и закусить.

*Ил. 6. Виктор Суслин и София Губайдулина на природе.
Швейцария, лето 1991*

Тянуться рюмкой через 2000 километров далековато, по-

этому придётся нам мысленно чокнуться и виртуально крикнуть. Но, тем не менее, завтра будем пить за музыкально-пекарское в следующем составе: С. Губайдулина, П. Мещанинов, В. Суслин, Ю. Суслина, М.Лубоцкий, и О. Лубоцкая (дети не в счёт: или пьют в своей компании, или вовсе не пьют).

Обнимаю вас всех нежно и шлю самые сердечные новогодние и рождественские пожелания.

В. Суслин

*) Сокращение *св.* совсем не обязательно следует понимать буквально как *святой*: возможны и другие интерпретации...

P.S. Почему у вас E-mail не работает, ё... м...?»

Композиторская байка №8 (Про поздравление в стиле «Виктор Суслин»)

Это ещё одно деньрожденное поздравление от композитора Суслина, но уже в стихотворной форме:

«Я тебя,..., поздравляю
И,..., счастья желаю!
Твой поклонник,..., один,
Композитор,..., Суслин.

(Исправлено: «Композитор В.Суслин».)

Число.

Подпись.

P.S. Извини, ...»

Любите ли вы виолончель? Я – да. Я также люблю её близкого родственника *арпеджионе*, построенного в 1823 году в Вене Георгом Штауфером. Это был совершенно новый инструмент, сочетавший в себе признаки виолончели и гитары. К чему это я вам рассказываю, сейчас узнаете.

Байка-анекдот №1 **(Про учителей и учеников)**

Её рассказала и безвозмездно пожертвовала в наше *Собрание* Элизабет Уилсон, дочь посла Великобритании в СССР. В славную эпоху застоя, канувшую в прошлое, Лиза была студенткой Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского и одновременно однокашницей по классу арпеджионе... Уж и не знаю, вправе ли я воспользоваться прозвищем, которым Э.Уилсон нарекла свою именитую подругу... Нет, язык не поворачивается применить к глубоко почитаемому и любимому человеку это вульгарное – *Гутманиха*. Нет, ни в коем случае! Назовем её просто, уважительно, понятно и по-русски: Полина Гудмен. Итак попробую пересказать этот анекдотец от своего имени:

«Дело происходило в Лондоне, столице Соединённого Королевства. Погода стояла препаршивая, типично британская, – с дождём, тучами, туманами... Была ранняя весна, яркое солнце чернило сугробы, и снег под его натиском не переставая оплакивал морозную зиму. Всемирно известный арпеджионист, одновременно учитель наших героинь, еле-еле поспевая за своей Славой, давал концерт. Успех был, как говорят очевидцы и очевидицы, ошеломляющим. После концерта преданные и благодарные Лиза и Полина пришли за кулисы поздравить любимого педагога с успехом.

– Тут намечается фуршетец. Будет сам принц Чарлз! Так что... увидимся позже. Привет!

Девочки решили скоротать время и пошли в кинотеатр на ночной сеанс. По возвращении далеко за полночь они обнаружили на автоответчике несколько посланий.

Message №1: «Фуршет закончился, принц Чарлз был неотразим. Вас нет дома. Буду звонить ещё. Привет».

Message № 2: «Чарлз отвалил. Всё выпито. Скучаю. Где же вы?»

Message №3: «Выпивка... Ещё... А вы...?»

Message №4: «Ах вы, ... такие! Где вас эти... черти носят!? Выезжаю к вам. Адрес... М-м-э-э... Да...»

Срочно накрыли на стол и стали ждать. Ждали долго. Наконец в три часа ночи не выдержали и решили выйти на улицу.

Мимо по *Holloway Road* медленно проехало такси. Подо-

ждали. Через полчаса так же медленно такси проехало обратно. Это показалось странным. Ещё через полчаса – то же самое. На заднем сидении девочки успели разглядеть пассажира... Стало несколько не по себе. Подождали ещё... На этот раз водитель остановился. Им оказался вьетнамец, едва объяснявшийся по-английски. Он сказал, что это его первый рабочий выезд в Лондоне. И на заднем сидении – его первый пассажир. Остановив такси, тот сунул таксисту записку с адресом на совсем уж непонятном языке: «Холлоуэй-роуд, Лизка, б...». Пробормотав при этом «Holoweï-a-a-a-road», пассажир немедленно ушел.

Всю ночь водитель такси медленно ездил взад-вперед в надежде на чудо – а вдруг спящий джентльмен проснётся и разъяснит ситуацию.

– Не его ли ждут юные леди?

Девочки взглянули в кабину и узнали своего любимого учителя.

Ужин удался на Славу, которому понравилось не только угощение, но и дом Лизы, – понравился настолько, что он купил соседнюю с Элизабет Уилсон квартиру».

Спустя несколько лет маэстро переехал на другую квартиру, да и Лиза уже давно сменила «типично английскую погоду» на яркое итальянское солнце. Там у неё появилась прелестная умненькая Фанни-Сандра, – такая умненькая, что даже на русском языке могла произнести слово «бrrrrrr»! Я уж не говорю об итальянском и английском языках.

Но вернёмся в старый дом на *Holloway Road*, куда направляются Марк Пекарский с женой автора.

Байка-анекдот №2

(Про известного арпеджиониста)

Её рассказал... — догадайтесь сами, кто:

«Возвращаясь из Глазго с фестиваля *New Beginnings*, мы с женой Ольгой Петровной получили приглашение от Элизабет Уилсон погостить у неё несколько дней. Назначая время встречи на два часа дня, мы никак не могли предположить, что поезд прибывает в Лондон в пять часов утра. Поезд действительно прибыл минута в минуту, но...

Здесь самое время поговорить о чисто британском самоощущении. Дело в том, что англичане СЕБЯ УВАЖАЮТ... Понимаю, поверить в это нам, россиянам, практически невозможно. Я бы и сам не поверил, но я это видел.

Для наглядности представим себе прибытие условного российского поезда «*Сизая стрела*» в условный пункт назначения, город Санкт-Авдейсбург. Неважно, когда происходит это событие, в три, четыре или в те же лондонские пять утра. Важно то, что за час до означенного срока во сне вам вдруг привидится главная площадь средневекового города с эшафотом в самом её центре. Палач в кровавом красном колпаке играючи ударяет топориком — не поверите — по ги-

льотине. В другом случае следовало бы задуматься над этим парадоксом, но сейчас совсем не до того, потому что вы не можете не только думать, но и идти: ноги размякли, и вас, словно бесчувственную скотину, волокут два солдата в доспехах прямо... к эшафоту. Слова, так и не родившись, застревают где-то в желудке, а вместо них из горла вырываются леденящие сердце, кожу и всё остальное, что у вас есть, звуки, сравнимые разве только с голодными жалобами собаки Баскервилей. В холодном поту вы просыпаетесь и с трудом начинаете понимать ситуацию. Это всего-навсего купе поезда, и никакого топорика вместе с гильотиной. Это просто маленьким металлическим ключиком – по двери, к которой вы развёрнуты головой (пусть уж лучше топорик и гильотина, чем сквозняк из окна).

«Подъезжаем, – злорадствует проводницкий голос. – Через пять минут санитарная зона, закрываем туалеты! Потопитесь!» Вы срочно делите пять минут на тридцать шесть мест в купейном вагоне и получаете, что на всё про всё каждому из пассажиров отводится восемь с половиной секунд. Безнадёжность положения усугубляется новым лаконичным и не обременённым ненужными словами призывом всё того же голоса: «Сдавайте постели!!!» Так в мечтах о возжеленном туалете и в мыслях о ненавистном постельном белье вы проводите час до прибытия поезда в Санкт-Авдейсбург.

А каку них? О, это поэма – но поэма на непонятном для нас языке. Прежде всего непонятно, что делает у вагона ми-

нистр финансов Соединённого Королевства. Да нет же, это не министр, а проводник. Просто выглядит он так – и дело не только в том, что одет и причёсан он безукоризненно. Нет – помните? – он СЕБЯ УВАЖАЕТ, и это видно. А раз он уважает себя, это автоматически означает, что он и ВАС УВАЖАЕТ. И с этим положением вещей россиянину ни за что не освоиться. Судите сами: вы ещё не успели войти в вагон, а он немедленно: «Coffee or tea?» А вы ему, не поняв, о чём это он, – на чистом русском: «Кофе». И тут же позабыли, немедленно сосредоточившись на раннем засыпании, предшествующем раннему – в пять утра – пробуждению. И – о ужас! Проснувшись от небесного звука – «динь-динь-динь»... да это же будильник... – проснувшись, вы обнаруживаете, что уже семь, и, очевидно, поезд уже мчится обратно в Глазго... Но нет. Поезд стоит на перроне лондонского вокзала. Вы отказываетесь что-либо понимать: поезд прибыл в пять, а в семь вы ещё в постели... Что это за легкий стук в дверь? Вы осторожно приоткрываете её и видите вчерашнего «министра» с подносами в руках... А чем же он тогда стучал, если руки у него заняты? Всё понятно: носочком ботинка в нижнюю часть двери – легонько, чтоб вас не напугать. А на подносах... заказанный при отправлении кофе с милыми, симпатичными плюшками. Как же так? – спрашиваете вы себя, жену, Господа Бога. А Он, Господь Бог, вам в ответ: «Как же можно было выгнать пассажиров из поезда в пять часов утра!» Нет, в Англии это невозможно: если вас

не будут уважать, то, чего доброго, и вы перестанете нас уважать. А это *ноу посибле*. А дальше совсем уж неинтересно: выпив свой кофе и заев его плюшкой, вы можете поваляться ещё. Ради Бога. Ровно в восемь утра всё тот же проводник деликатно напомнит, что если у вас в Лондоне дела, то рабочий день уже начался.

Но сколько ни валяйся, а выходить когда-нибудь всё-таки придётся. Вот уж и знакомый дом на *Holloway Road*. Звонкок одиноко надрывается, чемоданы тяжело свалены в углу перед безмолвной дверью... Ничего не остаётся, как применить типично английскую формулу: «We are sitting and waiting». Часы затикали, время пошло, солнце поползло, тучи... Но что это? Изнутри вдруг послышалось некоторое движение, щёлкнул замок, дверь распахнулась. Показалась брюнетка. Вслед за ней, почти что подталкивая гостью и наступая ей на пятки, протискивался невысокий человечек, сверкая черепом и очками. Несколько выдвинутая вперед нижняя челюсть постоянно шевелилась, пытаясь озвучить уже которое десятилетие никак не поддающуюся букву *r*. Да, это был он – великий арпеджионист. Протиснувшись наконец сквозь гостью, великий артист ловко поймал нижней губой несколько дождевых капель и уже было собрался ретироваться, как вдруг я, движимый исключительно эгоистическими соображениями, выступил из тени чемоданов на свет Божий.

– Здравствуйте, Иван Иванович.

– Доброго здоровьяца, – и партия со звуком *p* в который раз была безнадежно проиграна.

– Я барабанщик из Москвы, меня зовут Марк Пекарский.

На лбу Ивана Петровича нарисовались две вопросительные морщинки, а нижняя губа плотоядно лизнула верхнюю. «О! – вопрос на лбу исчез, вместо него появился ответ: – Так Вы же знаменитый... Ну...?» К двум морщинкам прибавилась третья, выражавшая недоумение. Одновременно нижняя губа судорожно совершала независимые от ситуации арифметические действия.

– Мы к Лизе.

– Нажмите кнопочку.

– Нажимали. Никого.

Разговор происходил у входа в коридор, справа была квартира Лизы, слева – маэстро. Дверь туда была приоткрыта, и можно было увидеть спускавшуюся со второго этажа невысокую всё ещё привлекательную женщину. Это была жена Петра Петровича, в прошлом знаменитая прима-балерина оперного театра Алина Грушневская. О, её несравненный танец! Нет никаких сил забыть исполнение арии Одетты из одноименного балета Петра Ильича Чайковского *Лебединое озеро*. И тут же, ещё на лестнице, томительный сопрановый бас нанёс сокрушительный вопрос: «Ну, что там коммунисты? Живы ещё, гадины?» Понимая, что положительный ответ огорчит великую балерину, – а отрицательного у меня, увы, тогда не было – я принялся разглядывать узоры из тре-

щин в каменном полу – «стушевался», как сказал бы Фёдор Михайлович.

В это время выразительное лицо Петра Ивановича отражало неутомимую работу мысли: недоумение сменялось сомнением (в сторону моей жены), сомнение – одобрением (в сторону своей жены), одобрение – опять недоумением (в сторону мужа жены Марка Пекарского). Ситуация становилась неуправляемой. Надо было принимать решение. И оно – простое и, как всегда, гениальное – явилось само по себе.

– Нам бы вещички оставить... где-нибудь... и пройтись немного... пока Лиза...

Лицо Ивана Ивановича тут же отразило одновременно восторг и ликование, одобрение и восхищение: «Алиночка! Они уходят! Неси суп!!!»

Тут подъехала машина, оттуда появилась Лиза, ученица великого учителя. Нижняя губа маэстро облобызала верхнюю и стала страстно рассказывать о предстоявшем концерте за сто тысяч долларов. «...А потом фуршет... принц Чарлз...»

Тут бы и закончить наши истории, но не могу удержаться и дарю вам ещё одну – нет, даже не байку, а *баечку*.

Баечка №1

(Про это)

Вот какой диалог подслушал я однажды (как всегда, конечно же, случайно) у моих внуков. Старшему 9 лет, младшему – 6:

Младший: Все говорят: секс, секс... А что это такое?

Старший: Эх, лучше тебе не знать! Это ужас какой-то...

* * *

Вы наверняка догадываетесь, какой грустный и в то же время полный новых желаний и надежд вывод напрашивается по прочтении этой главы:

КОЛЛЕКЦИЯ НИКОГДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
ЗАВЕРШЕНА

Моя коллекция слов

*Я заплатил жизнью за свою работу, и она
стоила мне половины моего рассудка...*

Винсент Ван Гог.

Из последнего письма брату Тео

Игра со словами

Начну свою сказку некоторым количеством слов о... словах. Дело в том, что уж очень я их люблю, точнее, «игру» с ними. Однако в словотворчестве я не профессионал. Может, это и плохо, но, с другой стороны, от общения со словами я ощущаю полный комфорт: у меня нет никаких обязательств ни перед собой, ни перед вами, ни, тем более, перед – не дай Бог – «историей». Для Жан-Поля Сартра творчество – это «заповеди», которые «вшиты... под кожу: не пишу день – рубцы горят, пишу слишком легко – тоже горят»¹⁸. У меня всё значительно проще: эта бесполезная деятельность просто доставляет мне удовольствие. Я никогда не смогу понять того же Сартра, которого «эта грубая потребность ставит... в тупик своей непристойностью, примитивностью, она напоминает тех допотопных, величавых крабов, которых море выносит на пляжи Лонг-Айленда; подобно им она – пе-

¹⁸ Сартр Ж.П. Слова. М., 1966. С. 119.

режиток минувшей эпохи. Я долго завидовал привратникам с улицы Ласепед: лето и вечер выгоняли их на улицу; сидя верхом на стульях, они глядели невинными глазами, не облечённые миссией смотреть»¹⁹.

А это уж точно обо мне: «сiju и гляжу», не облечённый никакой миссией. Мне близко пастернаковское «Я б разбивал стихи, как сад»²⁰. Удивительное наслаждение: буква к букве – слово. Но волшебство на этом не заканчивается. Подобно садовнику, я сiju перед своей «клумбой» и люблюсь словами-цветами: «Этот цветок – сюда, этот – туда. Нет, обратно... А может, так? Вот оно, предложение, вот она, фраза!»

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

«Игра и мука»... О муке чуть позже, а вот об игре...

Возьмем поэзию и прозу. Поэтическое слово – одно-единственное – раскрывает целый мир образов, намёков, ассоциаций, значений. В прозе же много слов занимается раскрытием одного-единственного понятия. Что лучше? Вопрос странный... А что лучше, Китай или Португалия? Послуша-

¹⁹ Там же.

²⁰ Пастернак Б. Во всём мне хочется дойти до самой сути // Стихи и поэмы. М., 1965. С. 446.

ем Сомерсета Моэма: «В отличие от поэзии проза – упорядоченное искусство. Поэзия – это барокко. Барокко – трагичный массивный мистический стиль. Оно стихийно. Оно требует глубины и прозрения. Мне кажется, что прозаики периода барокко были заблудившимися поэтами. Проза – это рококо. Она требует не столько мощи, сколько вкуса, не столько вдохновения, сколько стройности, не столько величия, сколько чёткости»²¹.

Предлагаю на выбор два варианта из *Фауста* Гёте – поэтический и прозаический. Что лучше? Судите сами.

Вариант 1: поэтический перевод²²:

Мефистофель

Я понимаю это;

Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:

*Ars longa, vita brevis est*²³.

Позвольте вам сказать словцо совета:

Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта, —

Пусть мыслью в небе он парит

И всё возвышенное света

В особе вашей пусть осуществит:

Отвагу пламенную львов,

Оленя быстроту,

²¹ *Моэм У.С.* Подводя итоги. М., 1957. С. 38.

²² *Гете И.В.* Фауст / Пер. Н.Холодковского. М., 1973. С. 103.

²³ Искусство вечно, жизнь коротка [лат.].

Испанца огненную кровь,
Норвежца прямоту.
Пускай найдёт он тайное искусство
С коварством согласить возвышенное чувство,
По плану вам составит идеал,
По плану вас влюбить не затруднится;
Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,
Ему бы имя Микрокосма дал.

Вариант 2: прозаический перевод²⁴:

Мефистофель

«И прекрасно! Одно только меня смущает: время коротко, учиться надо долго. По моему мнению, вам следовало бы взять несколько уроков. Войдите в компанию с каким-нибудь поэтом; пусть этот господин воспарит воображением и совместит на вашем почтенном черепе все благородные качества: отвагу льва, быстроту оленя, огненную кровь итальянца, устойчивость северянина. Пусть он найдёт вам и тайну соединять величие души с хитростью и влюбляться по составленному плану с пылкими порывами молодости. Мне самому хотелось бы познакомиться с таким господином, я назвал бы его господин Микрокозм».

²⁴ Гете В. Фауст. Трагедия / Пер. в прозе П. Вейнберга с примеч. пер. СПб., 1904. С. 52. («Давно уже задумал я и начал приводить в исполнение мысль перевести прозою „Фауста“, памятуя между прочим и замечание самого Гёте о преимуществе прозаических переводов перед стихотворными». Там же. С. 1.)

Что до меня, то автор перевода никак не тянет на «прозаика периода барокко» по классификации Сомерсета Моэма...
Ещё одна, если позволите, цитата из того же *Фауста*:

Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,
Восторгом чувственным когда меня обманешь,
Тогда – конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!²⁵

Появилось слово «заклад» в смысле «цена». О, какое это важное слово! «Я знаю этому *цену* [курсив мой. – М.П.] и всё-таки завидую им...» – восклицает Георгий Иванов²⁶. «Всё-таки» завидую, то есть «завидую им», несмотря на цену, которая, по всей видимости, довольно высока. «Завидую им», потому что «они блаженны». Я бы и сам заплатил, чтобы так же, как и они, быть блаженным. Таким образом, к словам «игра» и «цена» в нашем лексиконе прибавилось ещё одно: «платить».

Но вернёмся к слову «игра». Что заставляет человека заниматься этой, по Юрию Лотману, «непродуктивной деятельностью»²⁷? Тем же вопросом задаётся и Николай Васи-

²⁵ Гете И.В. Фауст/Пер. Н.Холодковского. М., 1973. С. 102.

²⁶ Иванов Г. Распад атома // Эрос. М., 1992. С. 253.

²⁷ Лотман Ю.М. Игра (вид деятельности) // Большая советская энциклопедия. Т. 10. С. 31. Цит. по: Руднев П.А. А.А. Фет: личность, поэзия, поэтика // Фет А. Стихотворения. Петрозаводск, 1986. С. 8.

льевич Гоголь: «Поди ты спроси иной раз человека, из-за чего он что-нибудь делает?» Какой ему прок, если она, эта деятельность, ничего ему не даёт? А может, что-то и даёт... Удовольствие, что ли, какое, удовлетворение? Но среди человеческих инстинктов — например, самосохранения или продолжения рода, — нет *инстинкта игры*. Правда, в детстве человек играет в игрушки, в войну, в дочки-матери... Но это он так готовится к жизни, играет в жизнь. Нет, игра — это не природный инстинкт. Зачем же, в таком случае, нам так нравится, так *нужно* играть в слова — как мне сейчас? Или в звуки? А игра в мои кулинарные рецепты? Почему так радует правильно найденное сочетание ингредиентов в моём фирменном соусе «Каль-Марк»? И, наоборот, зачем мы так мучаемся, если слово, звук, капля коньяка оказались вдруг лишними или же в неправильном месте? Да и откуда нам знать, какое место правильное, а какое нет...

— А талант на что?!

— О, вот оно, столь ожидаемое слово: «талант».

Досужие рассуждения о таланте

А откуда он берётся, этот самый талант, и что необходимо, чтобы человека назвали талантливым или даже гениальным? Да всего-то ничего: звёзды должны повернуться так, чтобы Господь Бог при рождении этого самого человека подмешал в его состав кое-чего.

Помнится, некто г-н Кванц высказывался по поводу реализации Богом данных способностей: «Если ученик слишком полагается на свой талант, это мешает его трудолюбию и собственным размышлениям об искусстве. Опыт показывает, что среди тех, кто особенно одарён от природы, встречается больше невежества, нежели среди лиц таланта посредственного, но подкреплённого усердием и раздумьями. Выдающаяся одаренность приносит много больше вреда, чем пользы»²⁸.

Суждение, мягко говоря, парадоксальное. Выходит, что вол – самое правильное животное, потому что он трудолюбивее многих других. Или Сальери – да, да, тот самый, который «музыку разъял, как труп» и «поверил алгеброй гармонию». Выходит, зря он так, бедняга, завидовал Моцарту и даже, как утверждают некоторые, от безысходности отправил ни в чём неповинного Вольфганга Амадея на тот свет. Прочитай синьор Сальери вовремя книгу Иоганна Иоахима Кванца, трагедии могло бы и не случиться.

Однако добросовестного немца можно понять и по-другому. Вполне возможно, что речь идёт о типичном клиническом случае: сами работать не хотим, а уповаем лишь на то, что Бог дал задаром, просто так. Как же поступать с этой загадочной субстанцией «талант»?

Пришло время советов. Дарю.

²⁸ Кванц И. Опыт наставления по игре на поперечной флейте // Дирижерское исполнительство. М., 1975. С. 12.

Совет 1. «На Бога надейся, да сам не плошай».

Согласен: здесь я близок к банальностям типа «Мастерства за плечами не носят, а с ним – добро», «Красна птица перьем, а человек уменьем», и, наконец, «Не то дорого, что красна золота, а дорого, что доброго мастерства». Смысл пословиц²⁹ прост: таланту требуется *мастерство*.

Ещё совет? Пожалуйста.

Совет 2. «Идти в науку – терпеть муку», «Сытое брюхо к учению глухо», «Корень учения горек, да плод его сладок», потому что «Наука не пиво, в рот не вольёшь»³⁰.

– Речь здесь идёт, как я полагаю, о некоей жертве?

– Да нет, это пока ещё не жертва.

Совет 3. Ещё одна вполне здравая мысль: таланту не следует бояться ошибаться, потому что «Кто не пашет, у того огрехов нет», «Кто бежит, тот спотыкается» – и, наконец, «Не ошибается тот, кто ничего не делает»³¹.

Конечно же, и я, грешный, обнаруживаю иногда ошибки в своих умопостроениях. Но ведь все ошибаются. Не ошибается разве что уличный фонарь, тупо освещающий что ни попадя. А вот свеча ошибается: дунул на неё неаккуратно – она и погасла... Потому я даю себе право на ошибки.

Отсюда – ещё совет:

Совет 4. «Шевелись, работай – ночь будет короче»,

²⁹ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С.422-425.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 484.

«Праздность – мать пороков», «Без дела жить – только небо коптить».

Ещё одно, тоже классическое, заболевание таланта – желание объять необъятное. Болезнь, судя по всему, не лечится, потому что... **Совет 5.** «Одной...», – ой не помню, чем... Помню только, что «на двух стульях не усидишь». А «жаль – говорил один старый человек»³².

Совет 6. «Все человеческие ошибки суть нетерпение, преждевременный отказ от методичности, мнимая сосредоточенность на мнимом деле»³³.

Это – Франц Кафка. От него же:

«Начиная с определённой точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь»³⁴.

Совет 7. Необходим ВЫБОР. Для выбора нужны СИЛЫ. Нет сил – не трепыхайся, плыви по течению, оставайся любителем (дилетантом на заграничном языке), пребывай в своей сладкой беспроблемной СЛАБОСТИ. Но помни: «Вся загвоздка здесь... С неё-то всё и начинается... Слабость внутри человека гниёт, и эта гниль разрастается. Как гангрена... Знаешь, что происходите душой, когда что-то медленно, годами разлагается у тебя внутри – и ты это всё время чувствуешь?»³⁵

³² Кэнко-хоси. Записки от скуки. М., 1970, С. 55.

³³ Кафка Ф. Рассказы 1917-1924. Афоризмы. М., 2001. С. 202.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Харуки Мураками. Охота на овец. СПб., 2001. С. 440.

Талант требует постоянного внимания и уважения, его необходимо беречь, как сосуд – дорогой, роскошный, но при этом очень, очень хрупкий, тончайшего хрусталя. Отсюда:

Совет 8. Остерегайтесь, чтобы этот сосуд случаем не был использован в качестве ночной вазы.

Да, чуть было не забыл: не следует разменивать свой талант по дешёвке, как будто вы хотите «на рубль пятаков накупить», потому что: **Совет 9.** «Пропaday яйцо, а не курица!», «Не продажное, а заветное», «Непродажному коню и цены нет».

Господи! А какой же это ужас, какое горе, когда талант не востребован! С одной стороны, талант скрыть нельзя: его видно, откуда ни взгляни. С другой, бесталанный – тот и сам пробьётся, потому что кроме крепких локтей, которыми он освобождает себе путь, у него больше ничего нет. С талантом сложнее – ему обязательно нужно помочь: «Актёру, особенно вначале, нужно поощрение. Талант нужно пестовать, поливать, как редкий цветок. Это я раньше думала, что талант пробивается, как трава через асфальт. Может, трава и пробьётся, но кто-нибудь обязательно наступит и сомнёт. Во всяком случае, роза на помойке не расцветёт. За ней нужно ухаживать, ей нужны особая почва и атмосфера»³⁶.

А что же делать, если помочь нельзя? – Почему нельзя? – Да потому что тот, которому *нужно помочь*, четырьмя копытами своими упирается.

³⁶ Демидова А. Заполняя паузу. М., 2007. С. 71.

Обращаюсь к педагогу...

Совет 10. «Плюнь!»

А что делать педагогу, если «плюнуть» всё-таки никак не получается?

Совет 11. «Ждать...»

А чего же ждать, когда этот индивид, именуемый талантом, с каждым днём всё дальше и дальше от собственной цели, которой он и не ощущает, и не видит, и знать не желает... Как можно ждать, когда он, этот несносный *талант*, размешивает, расшвыривает, роняет в сточную канаву, беспечно и бесцельно тратит свой божественный дар!

Вопросы и ответы

Вопрос 1 (конечно же, «вечный»). «А что же делать?»

Ответ 1. Обзаведись пониманием уникальности этого великого таланта, – пониманием его хрупкости, ценности, неповторимости, – вбей себе в голову, что ты несёшь перед Богом ответственность за вверенный тебе чужой дар – этот совершенно бесценный клад!

Всё ощутил? Теперь проникнись светом, добром, теплом к заблудшей овечке – обласкай, помолись за неё, поплачь тихонько, высморкайся в сторонку, утрись рукавом, блаженно улыбнись и, прижав руки к груди, тихо, но проникновенно скажи: «...Жизнь наша ещё не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, ещё немного,

и мы узнаем, зачем мы живём, зачем страдаем...»³⁷. «...Не плачь... у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Мы насадим новый сад, роскошней этого, ты увидишь его, поймёшь, и радость, тихая глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнёшься»³⁸.

Совет 12. Забудь Ответ 1, — забудь навсегда! Закаляй талант, — закаляй его, гада, — прости, Господи! Лупцуй его дено и ночью. Ставь ему палки в колёса. Ругай самыми бранными словами — вплоть до нече... Не це... не церемонься, не миндальничай, не сюсюкай, не прыгай вокруг него, аки козёл бородатый (ну, это уже — простите — в мой огород что ли?). Не делай мудрого всепонимающего лица — но! Научись метать громы и молнии — из глаз, львиный рык — из глотки, искры — из «кулаком по столу», землетрясение — из «барабаном об пол», конец света — из «рояль в окно»...

И всё это лишь для единой цели: *ради силы* обладателя таланта. Что, не согласны? Но ведь слабаку в искусстве и делать-то нечего: его талант скукожится, как мочёное яблоко, растечётся жирным пятном по грязной луже. От него повеет затхлостью ночлежки, кислотой пареных щей, смрадом бомжовых тел, потом филармонических очередей, лежалым порохом оркестровых войн, слабостью мочевого пузыря — и Бог знает, ещё чем!

³⁷ Чехов А.П. Три сестры // Собрание сочинений. Т. 9. М., 1956. С. 401.

³⁸ Чехов А.П. Вишневый сад // Там же. С.450.

Ответ 2. Смотри *Совет 7*.

Ответ 3. Смотри *Совет 8*.

Вопрос 2. А зачем вся эта кутерьма? «Плюнь! – Жди!», «Поплачь! – Наори!»?

Ответ 4. Ответа нет...

Вопрос 3. Опять же: что делать? Может, каким-то образом избавиться от таланта, от этой ненужной вещи, которая только и доставляет нам, что неприятности?

Ответ 5. Талант – Божий промысел, Судьба, которой, очевидно, надлежит следовать.

Вопрос 4. А реализация таланта? Выходит, талант – ноша для сильного? Что же в таком случае уготовано слабому?

Ответ 6. Что выросло – то выросло.

Слабый – некая субстанция, плывущая по течению и способная принимать любые формы – например, форму вышеозначенной ночной вазы.

Сильный же способен поступать *вопреки себе*.

Реплика 1. Но ведь это же мука.

Реплика 2. Именно так: *мука* \

Пример. Олег Каган, всего-навсего человек, – маленький пухлый еврейский мальчик, которому в детстве дали в руки скрипочку, – человек, сумевший распознать своё предназначение и пройти со своей скрипочкой *до конца*. Можно по-разному относиться к самому факту его последнего *предсмертного* концерта, – можно назвать это героическим поступком, можно восхищаться, рукоплескать... Мне же ка-

жется, что Олег Каган, преодолев нестерпимые предсмертные муки, *перешагнул через себя*, сделал это *вопреки себе*. Он святой, потому что сумел выполнить заложенную свыше программу – то есть был честен перед её Автором и, следовательно, перед собой – и это означает лишь, что он полностью

РЕАЛИЗОВАЛ СВОЙ ТАЛАНТ

Вопрос существенный. Что же это такое, талант?

Ответ адекватный. Мы избегаем здесь бытового толкования феномена таланта, который предлагает нам дамский журнал *Shape*: – Талант есть у каждого, и он заложен в нас от рождения. «Откройте его!», – призывают авторы статьи³⁹.

Нет, совсем не о природных способностях мы ведём разговор – они-то действительно есть у каждого. Предмет нашего интереса – уникальная эксклюзивная способность, данная только мне, только ему, только вам...

Вопрос важный. На что он нам, талант?

Ответ парадоксальный. А без него никак нельзя, так как без него, без таланта, – мы просто млекопитающие, изо дня в день отправляющие свои естественные потребности.

³⁹ Ваш добрый гений // *Shape*, февраль 2002. С. 14.

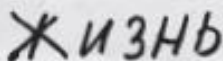
Без него, без таланта, – мы в этой жизни просто «справляем нужду» – и только. «Бог всякому из нас даёт вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем»⁴⁰.

Вопрос вопросов. За что, за какие прегрешения Господь наградил нас этим самым талантом?

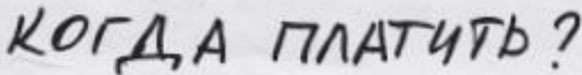
Ответ неопределенный. Не нашего ума дело.

Вопрос основной. Какова же, в конце концов, цена таланта?

Ответ ответов.

A photograph of a rectangular piece of white paper with the word "ЖИЗНЬ" (Life) written in dark, handwritten Cyrillic letters.

Вопрос страшный.

A photograph of a rectangular piece of white paper with the phrase "КОГДА ПЛАТИТЬ?" (When to pay?) written in dark, handwritten Cyrillic letters.

Ответ ещё более страшный.

⁴⁰ Бунин И. Бернар. М., 1952.

ИНОГДА ВПЕРЁД...

Коллекция денежных знаков

Экспонат №1 (Единственный)

Это японские иены. Поскольку их, как видите, немеренное количество, а времени, как догадываетесь, немного, пересчитывать денежные экспонаты приходится в автобусе по дороге на концерт.

... А окрест, куда только достаёт глаз, в поте лица трудятся японские крестьяне – по колени в воде, слегка прищурясь от палящего японского солнца.

Герой нашего повествования также не боится трудностей и считает, считает... А вот вспомнить бы ему, нашему герою, слова участника комиссии по составлению законов при Александре I: «Когда есть большие деньги, то расслоение в обществе между богатыми и бедными будет только расти...» Это Радищев наш, Александр Николаевич и его *Путешествие из Петербурга в Москву*. Вот ведь и он взглянул однажды окрест себя, и душа его человеческими страданиями уязвлена стала!

... А ЭТОТ ВСЁ СЧИТАЕТ, СЧИТАЕТ..

Ил. 7. Главное, не ошибиться...

Коллекция незаконченных, ненапечатанных и случайных текстов

О хронологической точности

Что важно для коллекции? – точность! Спросите, например, сколько у меня инструментов, и, не задумываясь, я назову абсолютно точное их количество: МНОГО.

Мне также доподлинно известен день рождения *Экспоната № 1* описываемого раздела коллекций: он появился до столетия со дня начала Первой мировой войны, но уже после того, как добровольно ушёл на покой первый президент свободной России Борис Николаевич Ельцин, то есть между 2000 и 2014 годами – точнее, где-то посередине.

Далее, с уверенностью могу назвать и месяц: это, конечно... На деревьях наливались и лопались почки, из которых весело выглядывали молодые листочки...

Почки блестящие
Клейкие хрустящие
Волшебство таящие
Чуда предстоящего

Да, без сомнения это была весна! ... А может, осень? Жёл-

тые кленовые листья, прохладные вечера, последние драгоценные лучи солнца...

Сентябрь стихи опять плетёт,
Выстраивая слов черёд.
Слова податливы, тихи,
Как ветви ивы у реки.

Нет, всё-таки случилось это зимой – ну как же! Снег, коньки, сосульки, мороженое, рождественская ёлка...

Февраль, метель, дневная мгла.
Лихая снега карусель.
Ещё не скоро пропоёт
Весны нам песни юный Лель.

Вспомнил! Эврика! Эврика! Лето!

А за окном Сокольники
Цветут, звенят, шумят.
Июль, жара, свекольники,
Шашлычный аромат.

Историческая справка

Да, именно в этом месяце в знаменитом зале *Концертгебау* мне предстояло сыграть с Филармоническим оркестром

Нидерландского радио одно из любимых моих произведений несравненной Софии Асгатовны Губайдулиной – *Концерт для солирующих ударных, меццо-сопрано и большого симфонического оркестра «Час души»*. Дирижировать должен был САМ Рождественский, который и настоял на моей кандидатуре – настоял, потому что были, конечно, и другие претенденты, но ведь *Концерт* был написан специально для меня, так что вот так!

Теперь точный день. Конечно, это был день перелёта из Москвы в Амстердам. Приземлившись, мы с моей драгоценной супругой Ольгой Петровной Колесниковой сели в автобус и быстрёхонько добрались до Хильверсума. Да, конечно, что и говорить: городок небольшой, но весьма значительный – ни много ни мало географический центр Голландии. Вы там бывали? Нет? А жаль... Там, говорят, когда-то построили первую ретрансляционную башню нидерландского радио, и вокруг неё позже возник музыкальный очень Культурный Центр. Никак не ожидали мы увидеть столь совершенное учреждение культуры в городке площадью, ну, скажем, с наше подмосковное Фрязино: просторный, оснащённый современной акустической аппаратурой репетиционный зал, богатейшая нотная библиотека, которой могли бы позавидовать многие нотные хранилища как там, у них в Европе, так и, конечно, у нас. А буфет... Ничего особенного, но бесплатные чай и кофе – это же мечта каждого мало-мальски уважающего себя оркестранта! Кстати, на эту «буфетную» тему

дарю историйку в духе *анекдотов* из первой части нашего повествования:

Шли репетиции к концерту, и вот однажды в перерыве к Рождественскому подошёл музыкант и по-голландски спросил о чём-то. Геннадий Николаевич, ни слова не знавший на этом языке, ни на секунду, не задумавшись, ответил:

– Yes, of course!

И добавил по-русски:

– Идите, пейте свой чай!

Затем он обратился ко мне с вопросом:

– Почему, как Вы думаете, я понял, о чём он спросил?

– Оркестрант... – ответил я.

– Абсолютно точно! Во всём мире они хотят только одного – поесть, попить и т.д.

А вот ещё историйка в пандан. Перерыв подходит к концу, перед Геннадием Николаевичем появляется ассистент-голландец, и между ними происходит следующий диалог:

Ассистент: The orchestra is ready to play.

Оркестр готов играть.

Рождественский: They have to wait.

Им придётся подождать.

А.: How long?

Р.: 5 minutes... And 5!

А.:?

Р.: What is better: to play or to wait? – To wait and to be paid!

Что лучше: играть или ожидать? – Ожидать и быть оплаченным!

Экспонат № 1: «Рождественские сказки»

Так потихоньку мы приближались к концерту. Тут следовало бы прожевать нечто подобающее случаю о возрастающем волнении, об огромной ответственности, о зале, освящённом многими поколениями известных, знаменитых, больших, наконец, великих... Но лучше я расскажу о том, как невольно напугал САМОГО Геннадия Николаевича Рождественского.

Но вначале историческая справка. Первоначально это было произведение для духового оркестра (1974) и никак не предназначалось мне – мало того, по уверению В.Н.Холоповой – вообще без ударных⁴¹.

⁴¹ Шаг души. Монографическое исследование Валентины Холоповой // *Холопова В., РестаньоЭ.* София Губайдулина. М., 1996. С.80.

Ил. 8. Геннадий Николаевич Рождественский

Потом оно превратилось, как значится в названии мо-

ей сольной партии, в *Концерт для М. Пекарского с оркестром*. Затем оно было переименовано в *Percussio Пекарского* (1976), и уже после всего этого появился *Час души* (1984). Не скрою, что название *Percussio Пекарского* мне ближе – и не потому, что упомянута моя фамилия... Вернее, не только поэтому. Здесь я усматриваю понимание автором самой сути моего музыкального качества: «...его стиль звукоизвлечения, его манера прикасаться к мембране инструментов даёт импульс для формы»⁴². Но речь-то совсем о другом.

Percussio Пекарского начиналось развёрнутым речитативом литавры «ля», где было всё: нарастания и замирания (как сказал бы Денисов, «появления и исчезновения» или «креcendo и диминуэндо»⁴³), взрывы (как сказал бы психолог, протестная реакция) и едва слышимый шёпот (как сказал бы настоящий музыковед, размышления героя) – то есть высказаться можно было по полной программе. В середине произведения этот речитатив превращался в каденцию – очень сердитую и очень громкую, где возмущения было гораздо больше, чем размышлений героя. Заканчивалось всё короткими печальными замирающими вздохами на литавре «ре», опять же на материале начального речитатива. Казалось бы, всё рассказано, история закончилась. Но это во второй версии.

⁴² Огонь и роза // Русская музыка. Часть 2. Би-би-си, 1990.

⁴³ Э. Денисов. Появления и исчезновения для двух ударников (1986), *Crescendodiminuendo* для клавесина и 12 струнных (1965).

В третьей же – в *Часе души* — после тишайших завершающих реплик следовал большой малеровский эпизод с фортиссимо оркестра, густой альтовой партией на цветаевский текст⁴⁴. Я же, сыграв всё, что было положено, на инструментах, расставленных позади оркестра по всему периметру, должен был приземлиться справа от дирижёра у маленьких среднеазиатских цимбальчиков под названием *чанг*.

Слева от дирижёра было место певицы. Припоминаю, что однажды в зале Ленинградской капеллы (Фестиваль 1988 года) это была Лина Мкртчян – с каким-то необыкновенным диапазоном роскошное контральто. Вплоть до своего всупления она сидела на стуле и, очевидно, входя в образ, страстно дышала на фоне происходящих за её спиной музыкальных событий – будьте плотное звучание оркестра или нежнейшее пианиссимо скрипок. Но вот она выпрямилась во весь свой могучий рост и запела. О, в этом пении я мог слышать и Аиду в её предсмертной арии, и Марфу, и Брунгильду – ах, кого я только не смог бы там услышать! Силой своего таланта Лина Мкртчян в философском тексте Марины Цветаевой смогла показать чуть ли не весь каталог человеческих чувств.

В мою задачу в тот ленинградский вечер входило совсем немного: не упасть со стула... Не пугайтесь и не подумайте чего – ни, ни, ни в одном глазу. Пение большой певицы тоже было ни при чём. Накануне концерта пришлось всего лишь

⁴⁴ Цветаева М. Час души (1923).

поработать грузчиком-переносчиком ударных инструментов по маршруту: пятый этаж Большого зала Ленинградской филармонии – сцена – служебный подъезд – улица Бродского (совсем не поэта, а художника, живописавшего когда-то В.И. Ленина) – Невский проспект – Малый зал Ленинградской филармонии. Скорее всего вы воображаете себе колонну музыкальных орудий, на собственных колёсах передвигавшихся по Невскому, а навстречу ей – милиционеры, берущие под козырёк, ликующие барышни и дамы с их воздушными поцелуями и «в воздух тапочки...». Нет, всё было значительно прозаичнее. Двигаться добровольно по мостовой инструменты отнюдь не всегда желали – возраст, знаете ли, – и их приходилось перемещать «под локотки». Другие особи от природы не имели собственных конечностей, и их надо было нести, как грудных детей.

В результате ваш покорный слуга нагнул за очередным увесистым «малышом», но разогнуться уже не сумел, так что оставалось ему, сердешному на следующий день сидеть перед дирижёром на своём стуле и брэнчать на этом самом чанге – по выражению Софии Губайдулиной (пардон) «идиотскую песенку» (ещё раз пардон).

Но что это был за фестиваль! Банкеты, фуршеты, встречи, дружеские попойки – чего там только не было... Чего? Рабочих для погрузки-разгрузки тяжёлых инструментов! Нет, они, конечно, появились после того, как моя жена обратилась с пламенной речью к дирекции этого фестиваля: «Пе-

карский сломался на такелажных работах, так что завтра я вызываю телевидение *BBC* и под треск их камер сама ношу эти проклятые инструменты!» Да, рабочие появились, но вы бы ихвидели... Но это уже другая история. А пока Тимур Каримович Мынбаев, дирижёр этого... Боже, куда меня опять занесло – ведь это другая страна, другой город, другой зал, другой... – да, это Геннадий Николаевич Рождественский!

Здесь стоит заметить, что вряд ли Геннадий Николаевич знал о существовании второй версии, – нет, конечно, знал, потому как я ему о ней рассказывал – рассказывал о том, что никак почему-то не удавалось её в своё время сыграть и что в парижской премьере *МОЮ* партию ударных исполнял другой ударник, Христоф Каскель – первый исполнитель партий ударных в разных музыках Карлхайнца Штокхаузена.

Конечно, мне было приятно, что вместо меня играл замечательный ударник и, как выяснилось позже на Мюнхенском конкурсе *ARD*, милейший человек. Наверняка, он был на высоте в *Percussio Пекарского*, но... Но мне так хотелось самому это сделать!

Смотрит Рождественский на меня в ожидании «печальных замирающих вздохов» на литавре «ре». Ждёт и не знает, что происходит в моём подсознании! ... Я, по правде говоря, тоже этого не знал. А происходило там следующее: для меня эти «вздохи» были последними звуками из «второй» версии, после них мне больше нечего было сказать. Но сейчас, в который раз, я играл «третью» версию, и на этих звуках здесь ничего не кончалось... «Что делать, – в который раз задавал я себе вечный вопрос, – как избежать ложного окончания музыки?» Решение в этот раз взяли на себя ноги – взяли, да пошли вниз прямо к дирижёру, к чангу, мимо литавры «ре».

Прощальных «вздохов» не было, зато точно такая же «ре» звучала на литавре из оркестра, так что зря Геннадий Николаевич испугался за певицу, что она, мол, не услышит нужный ей тон, – ещё как услышала и вступила где и как надо и вообще, по-моему, даже ничего не заметила.

Вечером, сидя на веранде съёмной амстердамской квартиры, мы разглядывали милый слегка заросший садик, попивали беленькое, болтали. Ещё по дороге из зала Геннадий Николаевич начал рассказывать историю своего исхода из БСО⁴⁵. Затем последовали воспоминания о первых годах работы в Большом театре... Эти две темы – БСО и ГАБТ –

⁴⁵ БСО – Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения. Сейчас БСО им. П.И. Чайковского.

сменяли друг друга за столом, «обволосатившийся» садик поглядывал на нас с лёгкой грустью, я наполнял стаканчики, Виктория Постникова, жена Рождественского, следила, чтобы стаканчик мужа был всегда полон, Геннадий Николаевич каждый раз благодарил её: «Спасибо, Аллочка». Заметив некоторое моё недоумение, Геннадий Николаевич пояснил: «Аллочка – это наше домашнее».

Там, на маленькой веранде с видом на заброшенный садик была задумана книга и в Москве – благополучно ненаписана... Но некоторые наброски я всё-таки сделал. Дарю.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вариант № 1

Постниковой Аллочке —
Палочке-выручалочке —
Палочке дирижёрской —
Твёрдой, но не жёсткой

Вариант № 2

Виктории Постниковой —
Хранителю
Охранителю
Вдохновителю
Водителю
Руководителю
Предводителю
Председателю
Созидателю

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Уважаемые господа, Читающая публика! Вы можете вы-

брать любой из двух вариантов Посвящения, какой больше придётся Вам по нраву – тем более что они различаются лишь по внешней форме. Внутренняя же форма – то, что мы ошибочно называем содержанием, – абсолютно идентична внешней.

Так что счастливого пути, дамы и господа!

ЭПИГРАФ К КНИГЕ

*Подарите себе: вклад Рождественский – самая
высокая процентная ставка среди вкладов Росбанка!
Из рекламы в Московском метрополитене*

ОТ СКАЗОЧНИКА

Дорогой читатель!

.....

Читатель!

.....

Читатель.

.....

Читатель...

.....

Читатель дорогой!

.....

Дорогой!

.....

Дорогой.

.....

Дорогой...

.....

Дорогой, дорогой, дорогой, дорогой, дорогой, дорогой,
дорогой —

.....

Очень дорогой!!!!!!

.....

Почём?

.....

Бесценный.

.....

А автор?

.....

Дорогой...?

.....

Сколько?

.....

50 экземпляров в счёт гонорара.

.....

А что герой?

.....

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-!!!-!!!-!!!-!!!

.....

**УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ СКАЗОЧНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

МАГ

... точнее...

УНИВЕР-МАГ

– почему МАГ?

– потому что:

он обладает МАГической силой

(то есть воздействует на людей)

он занимается МАГическими обрядами

(то есть пробуждает людей)

он обладает МАГической верой

(то есть улучшает людей)

– и ещё:

он плавит МАГму

(то есть управляет временем)

он является МАГнетиком

(то есть притягивает к себе)

он устраивает МАГнитные бури

(то есть заставляет возмущаться)

– а также:

он стал МАГистром

(то есть наставником)

он работает МАГелланом

(то есть открывает новые пространства)

он строит МАГистрали

(то есть указывает путь)

– таким образом:

он занимается магией

(то есть колдовством)

он занимается колдовством

(то есть волшебством)

он занимается волшебством

(то есть магией)

у него есть

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

– почему УНИвермаг?

– потому что:

он – УНИкум

(то есть таких, как он, больше нет)

он – УНИат

(то есть он объединяет разные государства музыки)

он – УНИтарий

(то есть в нём в самом всё едино)

– и ещё:

он создаёт УНИсон

(то есть мы начинаем дышать вместе с ним)

он принимает УНИформизм

(то есть вневременное музыкальное единство)

он понимает УНИверсум

(то есть осознаёт мир как единое целое)

– а также:

он не озабочен Универсалиями

(то есть статусом «курицы и яйца»)

он не признаёт Унификацию

(то есть однообразие)

он не облачается в УНИформу

(то есть разнообразен в единстве)

– таким образом:

он УНИверситетен

(то есть многому научит, «не отходя от кассы»)

он УНИверсамен

(то есть «сделал себя сам»)

он Универсален

(то есть един во множестве лиц)

у него есть

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

а сам он
подлинный
универсальный маг
то есть
он

УНИВЕРМАГ

*Нынешним вечером я расскажу вам сказку, которая
напомнит вам обо всём и ни о чём.*

В. Гёте. Разговоры немецких беженцев

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Родился однажды, как и положено, в срок мальчик Геня.
Очки надел очень скоро... А может, и родился с ними?
Журчала ручейком его речь – и всё о музыке, о музыке...
Думали все... – даже и не думали, а просто знали:
Ему суждено стать музыкантом.
С этим он жил, и этому поклонялись все близкие и

дальние.

Тётушка души в нём не чаяла, часто выполняя
обязанности

мамы, —

Ведь та, будучи певицей, много гастролировала.

Его отношение к миру основывалось, как мы полагаем,
на вслушивании,

Но это — опять же, как мы полагаем, — не мешало ему
и всматриваться.

Смиренно следуя своему предназначению, он

Каждый день испытывал себя звуками

И — опять звуками... звуками... подобно

Йогу: вслушиваясь, всматриваясь, погружаясь,
растворяясь...

Годы шли, но перед ним не возникало проблемы выбора
пути:

Ему всё было ясно с самого начала потому, быть может,
что

Наталия Петровна Рождественская, его мать была
певицей, а

Николай Павлович Аносов, его отец, — дирижёром. Мало
того,

Аносов руководил дирижёрскими занятиями сына
в консерватории.

Думал ли кто, что, кроме дирижёрского, для него
уготован

другой путь?

И да и нет: он осваивал также и фортепианное

искусство, – но:

Йорк разве что не посетил он впоследствии, став всё-таки дирижёром.

Новое в музыке, поиски нового стали смыслом его деятельности.

Исследование – постоянное и целенаправленное — составляет его жизнь.

Кто сделал столь много для пропаганды новой музыки? Он! Конечно,

Он не один – время было такое. Но он один из первых, один из главных.

Лёгкость, как думают иногда, является главной чертой его интерпретации,

А я так считаю, что лёгкость его очень тяжка: она есть мудрость.

Ему отнюдь не чужды глубокие, иногда трудные размышления – но! —

Всегда он добивается предельной яркости, ясности.

Музыка – это его

Игра, – но игра сложная, подчас драматичная. Это путь, который ведёт его

Чрез тернии – к звёздам!

Экспонат №2: «Бес» и «Без»

Ненапечатанные тексты – это всего лишь дарственные надписи на книгах. Если вы помните, я страсть как люблю

играть в буквы, слова и т.д. — ну и, соответственно, дарю плоды этой любви разным людям. Со временем я стал разборчивее и больше не преподношу мои книжицы кому попало. Помнится, однажды на приёме у очередного ректора Московской консерватории Тиграна Алиханова я от доброты душевной одарил его своей первой книгой *Назад к Волконскому вперёд*. Работа эта, как ни странно, нравилась мне самому, и подарить её приличному человеку было приятно. Через год я опять посетил кабинет Тиграна Абрамовича и для порядка спросил, как ему понравилась моя книга. — «Как-кая?» — удивился он. Я назвал. — «А-а-а... Да у меня и без неё их так много, и не хуже твоей!»

ВОТ КАК ОНО БЫВАЕТ..

Но есть и другие субъекты дарения. Вот, к примеру встретил я недавно у себя на концерте удивительную женщину, Инну Алексеевну Барсову. Вы читали её книгу о Малере⁴⁶? Если нет, то сегодня же открывайте, читайте и наслаждайтесь.

⁴⁶ Барсова И. Симфонии Малера. СПб., 2010.

Ил. 10. Знак отличія 40 лет безпорочной службы в воинских чинах на Георгиевской ленте. Санкт-Петербург, мастерская Альберта Кейбеля, 1899 г.⁴⁷

Конечно, пользуясь случаем, подарил я ей мою книгу *Жизнь безпорочной службы в воинских И любовь барабанно-*

⁴⁷ http://www.kabinet-auktion.com/auction/auction4/106_115/

го организма. Дарственную надпись сделал очень простую: «Безценной Инне Алексеевне от дорогого Марка Ильича». Казалось бы, что особенного в этой надписи? А и действительно ничего... Кроме, разве одной ошибочки: «безценной». Улавливаете? Приставку «бес» я написал через букву «з». Но ведь со школьной скамьи я знаю, что она, эта приставка «без» пишется через «з» лишь перед звонкими согласными, а вот перед глухими – через «с». Только я собрался позвонить Инне Алексеевне, чтоб повиниться в своём невежестве, как попалась мне в Интернете публикация, из которой выходит, что я и не ошибся вовсе, потому что не было когда-то в русском языке приставки «бес»! Не верите, тогда откройте *Толковый словарь живого великорусского языка* В. И. Даля.

А вот и доказательство моей, если не полной, то хотя бы частичной невинности – *Знак отличия XL (40) лет безпорочной службы в воинских чинах на Георгиевской ленте*.

НЕКОТОРЫЕ НЕДОУМЕНИЯ

Конечно же, – скажет мне умный человек – язык дело живое, потому он постоянно меняется, вслушивается в сегодняшний разговорный ландшафт, принимает и обихаживает новые звукосочетания для обозначения давно известных и новейших понятий – кто спорит?! Но чтоб не отнимать у вас времени, я попрошу одного англичанина высказаться на эту животрепещущую тему изменений в его родном языке:

«В заокеанском английском произрастают всё более цветастые конструкции. Один из наших знакомых ниже среднего росточка заявлял, что он не ростом мал, а у него „проблема по вертикали“. Час, добрые шестьдесят минут, приобрёл „верх“ и „низ“; из комнаты там никто не выходит, все „покидают помещение“. Политики более не гадают, но „интуируют“, экономика идёт в разнос, как двигатель без нагрузки. „Надо надеяться“ употребляется повсеместно и так же часто, как в добрые старые времена некоторые нерешительные индивиды мычали „э-э...“. Всякого рода общественные авторитеты не меняют убеждений, как во всём мире, но производят „тактическую рекалибрацию“. Эти кошмары проникают в повседневный язык из юридического жаргона и отражают превращение судебного сутяжничества в своеобразный национальный спорт номер один. Чего стоит пролезший в словари „сюрплюсаж“, означающий бывший „переизбыток“. Авторитетные американцы, которых любит цитировать репортёрская братия, не удовлетворяются окончанием чего-либо, они непременно „достигают завершения“. Остаётся дожидаться, когда в недалёком будущем официант в ресторане поинтересуется: „Вы достигли завершения в освоении салата?“ Разумеется, это произойдёт уже после того, когда я „достигну завершения“ „обзорного курса“ по меню заведения.

Встретились мы в Америке с „аутстером“, хотя его родственнику-антиподу „инстеру“ повезло больше: о нём мы не

слыхивали. Пришлось оставить устаревшую привычку сосредоточиваться на чём-либо, теперь мы „концентрируемся“ либо „фокусируемся“»⁴⁸.

Оставив нашего англичанина с его недоумениями, мы сфокусируемся на термине «хит» и, может, с его помощью попытаемся расставить если не точки, то хотя бы многоточия или точки с запятой. Но прежде скажите мне, чем же всё-таки отличается шедевр от хита? А ничем: что такое ШЕДЕВР, как не ХИТ!!! Ревнители русского языка – и я в их числе – вольны в который раз возмутиться засилием иностранных слов в нашем великом и могучем. На здоровье! Недовольные могут удалиться. Однако хочу вас заверить, что волноваться вам особенно нечего, потому как здесь у нас отнюдь не сборище по совершенствованию методов «маркетинга», «дистрибьюции», «презентации», «промоушн»... чего там ещё? ... Кстати, о промоушн. Недавно в вагоне московского метро я увидел рекламу с надписью: «Экин в твоих карманах»(?) Пошарив в карманах брюк, я к полному своему недоумению не нашёл там ничего, кроме... Ну, да ладно.

Смею заметить, что всякий язык, в том числе и наш «могучий» имеет обыкновение развиваться и принимать в своё лоно удачно используемые иностранные слова – французское «шедевр» давно имеет заслуженное российское гражданство, а английское «хит» его успешно добивается.

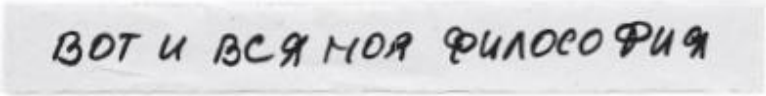
⁴⁸ Мейл П. Ещё один год в Провансе. СПб., 2009. С.8.

И ДОСТАТОЧНО ОБ ЭТОМ

Коллекция аннотаций к концертным программам

Полтора слова о философии музыканта

А вы знаете, что такое философия? Можете не отвечать: *первейшая из наук*. Это, как утверждает справочник, «система идей, взглядов на мир и на место в нём человека»⁴⁹. Вот как... А как философствует музыкант? Кто как. Я вот, например, сажусь в кресло перед компьютером, закрываю глаза, открываю их, чешу репу, ковыряю в носу и после этого придумываю концерт.

ВОТ И ВСЯ МОЯ ФИЛОСОФИЯ

Экспонат № 1: «Танцуют все!»

«Танцуют все!» Эту крылатую фразу из советской кинокомедии *Иван Васильевич меняет профессию* с полным основанием мог бы произнести также и Министр танцев из дру-

⁴⁹ Малый энциклопедический словарь. М., 2002. С. 726.

того не менее известного фильма *Золушка*. Он был завидно краток, произнеся в затруднительной для короля ситуации одно лишь слово – *Танцевать!* — и этим словом Министр как бы зафиксировал одну из главных мудростей мироздания:

**Танец – это универсальное средство
для решения практически
всех проблем человечества!**

Боже, сколько общественных мероприятий во все времена обслуживалось при помощи танцев! Это были празднования особых событий, церемонии, торжественные приёмы, военные учения. Мало того, танец являлся неотъемлемой частью религиозных практик в большинстве религий.

Умный человек по имени Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк пишет в своей книге *Жизнь и развлечения в Средние века*: «Танец считался дополнением к музыкальному прославлению, – вокальному или инструментальному. Общественные события и светские праздники, которые часто были связаны с религиозными торжествами, также разнообразились танцами, как и официальные церемонии, такие как королевские визиты и коронации. Но это физическое проявление радости и восхваления не было ограничено лишь особыми поводами. Танец был также частью повседневной жизни. Существует множество сообщений о послеобеденных танцах

и использовании танцев для создания здорового тела. Это связывало танцы с военными упражнениями, большинство из которых делалось на ногах и требовало не только физической выносливости, но также резвости и быстрой работы ног»⁵⁰.

Предвижу вопросы: «Что это Ваши *Ударные дни*⁵¹ так озаботились танцами? Вот Вы, господин Пекарский, говорили совсем недолго, а умных никому не нужных слов сказали ох как много!»

Я, господин Пекарский, готов к немедленному ответу. Ударные инструменты неотделимы от танца, стихия танца – природа ударных. Этим сказано всё, и довольно об этом! Смущает лишь одно... Вы только послушайте: «У некультурных народов сопровождение танцев ограничивалось ударными инструментами, для ритма».

Не имею никакого желания спорить с господами Брокгаузом и Ефроном: послушать их, так все присутствующие на нашем концерте являются представителями этих самых «некультурных народов»!

... Однако, если захотеть высказаться по сути, то, во-первых, в культурологии времён *Энциклопедического словаря* Брокгауза и Ефрона некультурными считались так называемые первобытные племена, а во-вторых, некультурных на-

⁵⁰ Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века. СПб., 2003.

⁵¹ *Ударные дни Марка Пекарского* — серия концертов Ансамбля ударных в Рахманиновском зале сезона 2010-2011.

родов попросту не существует: просто культура у всех нас разная.

... ЭТО КАК С СОВЕСТЬЮ...

Экспонат № 2: «Врачевание металлом» Из серии «Musical Medical Service»

Жил да был человек, которого звали Андрей Волконский. Обладатель столь звучного имени был русским князем, Рюриковичем в тридцатом колене, композитором, исполнителем и прочая, и прочая. Родившись вдали от родных для его предков мест, он, тем не менее, немало сделал для музыки своей исторической родины. А до того жил он себе поживал, говорил дома по-русски, а вне его – по-французски, учился музыке и был вполне счастлив. Но однажды по воле своих родителей он переселился в сталинскую Россию, то есть в Советский Союз, где прожил немало лет. Затем взял, да и уехал обратно в места своего детства и обосновался в прелестном университетском Экс-ан-Провансе на юге Франции. В доме, который назывался *Тюльпан*, князь занимал небольшую квартиру. Однажды я приехал к князю Андрею в гости – но не просто пообщаться и поболтать ото, о сём – нет: мне

заказали книгу о нём.

Для моей работы Андрей Михайлович предоставил мне свой кабинет. Рядом располагалась спальня, в которой почивал хозяин дома. Однажды вечером я услышал из спальни стоны. Заглянув в приоткрытую дверь, я увидел чуть ли не плачущего князя: у него болели ноги, – болели нестерпимо... Я был в полной растерянности, не зная, чем могу помочь. И тут под столом я увидел металлическое ведро для мусора. Перевернув его вверх дном и поместив между своих колен, я начал выстукивать руками разные ритмы. Не на шутку увлѣкшись, я не заметил, что барабаню уже второй час. Подняв глаза, я увидел счастливо улыбающегося князя, потому что

звуки ведра-барабана исцелили недуг

А вот ещё одна история. Было время, когда на концерты Ансамбля ударных повадились ходить профессора и преподаватели МГУ. Я узнавал их и раскланивался. В конце сезона несколько человек из этой компании прошли за кулисы и раскрыли тайну своего увлечения музыкой для ударных инструментов: оказалось, что после наших концертов они на несколько дней

избавлялись от хронической мигрени

Теперь я расскажу, какой сон мне показали буквально на днях. Я проходил регистрацию в аэропорту. Вещей минимум: портплед с концертным костюмом.

– А что это за штука? – спрашивает проверяльщик, тыча пальцем в сторону портпледа.

– О, это замечательная сковорода, – расплываясь в сладчайшей улыбке отвечаю я. – Это постоянный и надёжный спутник в моих путешествиях. Смотрите, какая она удобная: 28 см в диаметре, а ручка целых 30 см длины!

– Удобная-то она удобная, – в нерешительности говорит проверяльщик, – но пропустить не могу!

– Почему? Ведь это не колющий предмет и не жидкость какая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.